

С. 4 (1979) - (1979) 675
© 1979

Пастей Самык

Созвездие Любви

КНИЖА ПОСВЯЩЕНИИ
И ПОСЛАНИИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

З. ТМО Т. 3.600.000 З. 3184—90

553 178

Таслей Самык

Созвездие Любви

КНИГА ПОСВЯЩЕНИЙ
и
ПОСЛАНИЙ

Стихи и поэмы
Переводы с алтайского
Избранное

ГОРНО-АЛТАЙСК
2001

84(2 Рос = Алт) 6-5
С179

Паслей Самык

СОЗВЕЗДИЕ ЛЮБВИ

Библиотека ЭЭР «Алтай».

Издается под девизом: «Экология этноса и природы
Горного Алтая».

**Обязательный
экземпляр.**

От всего сердца благодарю ЭЭР «Алтай» и лично Генерального директора Николая Михайловича Тайтакова, человека мудрого и отзывчивого, за бескорыстную спонсорскую помощь и Алтайский Фонд «Алтай — XXI век» за техническое содействие в издании этой книги.

Поэт Паслей Самык
(Василий Самыков).

0 553178 ✓✓

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Калинин

Паслей САМЫК
(Василий Самыков)

СОЗВЕЗДИЕ ЛЮБВИ

*Стихи и поэмы. Переводы с алтайского
Избранное*

Фото: А. Клюев

Редактор В. Максимов
Технический редактор Л. Кользенова
Корректор О. Андреева
Компьютерная верстка Е. Иваницкая

Сдано в набор 15.06.2001 г. Подписано в печать 27.08.2001 г.
Формат 84x90^{1/32}. Объем 15,5 п. л. Заказ 3675. Тираж 250 экз.

Отпечатано в Горно-Алтайской республиканской типографии.
649000 Республика Алтай, г. Горно-Алтайск,
пр. Коммунистический, 35.
Тел. 2-44-66.

5-сп-сл

«СВЕТ ЗВЕЗД ОМЫВАЕТ МЕНЯ...»

Вся поэзия Самыка — одно непрерывное стихотворение, в котором раскованно звучит душа поэта и ее основной пафос — изначальная музыка алтайской речи, ее пленительная пентатоника.

*Голубые-голубые реки
вдаль бегут со звоном голубым.
Голубые голоса кукушек
впитывает влажная земля.
Голубое шелковое небо
птицы-челноки, летая, ткнут.
И озера тоже голубые,
голубые, мне в глаза текут.*

Книги Паслея Самыка, которые вы держите в руках, не поддаются тематическому определению. В центре их образ неумного современного интеллигента с его обостренной чувственностью к миру и неожиданными, порой экстравагантными ассоциациями. Однако восприятие мира не мозаичное — целостное. И анализ его поэзии тоже должен быть по возможности целостным. Что до диссонансов, то как им не быть в поэзии, коли ими полон мир. Они складываются в ритмическую музыку мироздания, родственному космическому мироощущению и тогда особенно хорошо заметно, что его поэзия — это контрапункт тем, слившихся в едином гуманистическом восприятии мира и своей малой родины — Горного Алтая.

Его поэзия — это сплошная, пылающая суть, любовь ко всему человеческому и прекрасному. «Эти небо, тайгу, это солнце люблю! Эту землю, Алтай, прославляю, люблю!». В его сердце вмещается многое. И Горный Алтай с его чистыми селениями, которые «словно гнездышки ласточек» прилепились к горам; «ветер ночной с душой поэта»; «алтайский батыр, идущий на бой за свободу и правду»; «никем и никогда на свете не побежденный матадор»; «молодой и беспокойный, неумный полет» — все это и многое другое волнует сына гор.

Поэт живет жизнью своей эпохи, его стихи откликаются на многое. События современности — вот часть его духовного быта, его этических забот, его поэтической фантазии, опирающейся на суровые реалии жизни.

Поэт посмотрел на небо и увидел «море крови», посмотрел на ручьи — увидел «струи крови», он увидел Вьетнам как «кровавую рану, человечеству грудь рассекшую». Возникает далеко идущий вывод, навевающий сегодня мысль о необходимости гуманизма.

Антимир вы ищите, физики?
Бросьте, физики:
только одна
в мире есть антитеза миру:
антимир — это есть
война!
Лишь когда человек человечен,
человек — Человек!
Человек главенствует в мире,
в антимире —
античеловек.
Называемый «сверхчеловеком»,
он на деле —
недочеловек!

Читая эти стихи, с удовлетворением констатируешь, что, не повторяя себя в поэтических находках, в душевной и личностной основе, Самык и сегодня остается прежним. Его новым стихам свойственна все та же искренность и страстность, юношеский максимализм. По-прежнему поэт хотел бы иметь самых верных и умных друзей, он ищет самую нежную и чистую любовь. В каждой девушке встречной он хотел бы видеть «образ Джоконды вечной, музыку, что не звучала нигде, и неумирающую тайну в каждой звезде». Все как прежде, но движение есть. Годы не прошли даром. Чувствуется гражданское возмужание Самыка, которое наращивает любовь к человеку.

Его человеческая суть расцветает от понимания сложности жизни, от общения с людьми, в процессе борьбы с косностью — злейшим врагом поэта и всего передового.

Самое трудное в таком случае — цитировать, но вот строчки, задающие тон всему творческому пути поэта. Стихотворение так и называется — «Люблю людей»:

Люблю людей...
Чем старше становлюсь,
тем больше
этой нежности дивлюсь.

Я на чужбине и в родном краю
в прохожем каждом
друга узнаю...

Достатка мне
не принесло перо!
Да были б совесть,
нежность и добро!
Да был бы человек,
мой друг и брат,
перед которым
прав и виноват...

С годами все шире и шире раздвигался оком поэта. Было заметно, что его манит не только Белуха, не только вершины гор, но и вершины человеческой мысли. «Всемирная отзывчивость» — это с полным правом относимо к поэзии Самыка, общечеловеческая направленность которой очевидна. Его перу принадлежит отличное стихотворение «Маяковскому», ставшее достойным вкладом алтайской словесности в венок революционного поэта-главаря. В стихе чувствуется разряженный воздух абстракций, но это огромное пространство пронизано живой мыслью современности и чувствами сегодняшнего человека, живущего в эпоху НТР и озабоченного проблемами человечности и человечества.

Но тот,
кто долго простоял
у атомного реактора,
тот облучен
и неминуемо должен уйти.
И я знаю, когда ты медленно
поднимал
стотонное дуло
к своему виску,
вдруг перед твоими глазами
поплыли оранжевые планеты,
облетаемые караванами
крылатых, как рыбы, ракет.
И нет тебя,
но каждый раз,
когда я подхожу к тому,

что сделано тобою,
мне все чаще вспоминаются
таинственные сооружения
на Земле,
авторство которых
люди не в силах себе приписать...

Так, глубоко постигнута поэзия самыковского кумира. Самык понял, что характером мировосприятия, грандиозностью своего поэтического мира Маяковский предвосхитил тот дерзкий вызов природе, который сделала наука, отправив человека в космос. В критике эта мысль отмечалась не раз, а вот в поэзии Самык это сделал впервые и сделал хорошо. Именно в этой образной структуре стиха находит наиболее полное выражение поэтическая концепция Самыка, перерастающая в довольно стройную поэтическую систему. Система эта стремится к общности, она игнорирует единичность. И это оправданно, ибо позволяет, во-первых, передавать «диалектику мира», во-вторых, сосредоточиться на главном конфликте творчества — на борьбе духовного с бездуховным в человеке.

В непосредственной связи с образной находится и ритмическая структура стиха Самыка. Всмотревшись в ритмические рисунки его стихов, вслушиваясь в них, мы увидим и услышим, как варьируется ямба, превращаясь в другие метры, как в сочетании самыковских строк возникают разнообразные ритмические и интонационные переходы. Такая структура стиха позволяет ему синтезировать разнообразные явления мира в единую поэтическую систему.

Стих Самыка следует рассматривать в контексте его поэтической личности, для которой так характерен интернационализм, вырастающий на богатейшем национальном материале, на доскональном знании многовековой истории своего народа.

Именно это обстоятельство имел в виду знаменитый литературовед, философ и эстетик, профессор Г.И. Куницын, когда в 1974-м году подарил Паслею свою книгу с надписью: «Паслею Самыку, замечательному поэту, истинному выразителю духа Востоко-Запада, земляку по Сибири и по Планете, отличному человеку, питающему лучшие надежды»...

Георгий Иванович хорошо почувствовал суть Самыка — поэта и человека. Его восхитила многоплановость его

простых форм, их философский подтекст, всегда наполненный гуманизмом. Георгий Иванович понял, что Самыку удастся лучше обобщать не частные случаи, а жизненные явления. Отсюда его такая теплая надпись — несомненное признание интернационального пафоса всей литературы Горного Алтая.

Говоря об общечеловечности поэта, нельзя не вспомнить и о его поэтической перекличке с поэтом Леонидом Мартыновым.

Ко мне
Алтаец подошел.
Я радовался от души,
И попросил я:
— Опиши
Пером или карандашом
Алтай своих целебных трав,
Алтай своих волшебных руд...
И это был нелегкий труд
Представить, ясно осознав,
Алтай своих святых основ,
Алтай своих горячих снов.
И стал Алтай мгновенно нов —
Алтай старинных колдунов,
Алтай шаманских диких чар,
Алтай автомобильных фар,
Алтай воздушный, как ангар...
Клубись,
Вершинами блистай,
Еще неведомый Алтай,
Вздывая ввысь за кряжем кряж,
Алтай себе свой верный страж.
Хоть взять и в руку карандаш
Еще алтаец не успел,
А только песню он запел.
Иначе яви не создашь! —

с такими словами обратился к молодому поэту один из старейшин русской поэзии в стихотворении «Алтай». Впечатление такое, что всем своим творчеством Самык отвечал на пожелание любимого поэта, оказавшего большое влияние на его творчество.

В движении именно к диалогу я вижу перспективу развития этого талантливой поэта.

В последние годы поэзия Самыка становится строже, требовательнее к себе и людям. Она обретает большую простоту. Создается целый ряд поэм, таких, как, «Руки отца», «Космос и Земля-корабль»... Однако и поэмы Самыка показывают, что для его поэзии важен не сам факт его документальной очерченности, а его историческо-духовный смысл. Что и в поэмах Самык оценивает события и факты по своей неизменной шкале — шкале человеческих ценностей.

Валерий ЧИЧИНОВ,
член Союза писателей России,
Академик Международной
тюркской академии¹

¹ В.И. Чичинов «Он возник в глубинах гор...» (Журнал «Кан-Алтай», №18, 1999 г., г. Горно-Алтайск). Публикуется в сокращении.

СЕРДЦЕ МОЕ

Сердце мое —
одно безмерное,
свернутое в клубок,
красное и живое
стихотворение.

Стих мой — дыхание мое.
Каждую строчку снимаю с губ.

День ото дня
к людям любовь растет у меня.
День ото дня
эволюции понимание обостряется у меня.
День ото дня
расцветает моя человечья суть:
в каждом цветке я вижу улыбку свою,
в каждом ветвящемся дереве — контур моих
раздумий,
в каждом встреченном человеке — себя узнаю.

Видно, я никогда не состарюсь,
никогда не умру:
вечно буду с деревьями вместе стоять на ветру,
вечно буду вместе с моими горами
Вселенной музыку слушать,
буду радоваться радостью будущих поколений,
с человечеством, с миром сольюсь —
навсегда.

И никогда
этот стих мне, должно быть, не кончить,
и никогда я, должно быть, понять до конца
не смогу:
этот мир, эти люди — где они? —
во мне
или — вне?

Я землей становлюсь,
душу ее понимаю,
с деревом, камнем, воздухом
смешиваюсь — живой.

И всю прошлую жизнь человечества,
кажется мне, я прожил,
всю грядущую жизнь человечества,
кажется, я знаю.

КАК ПРЕКРАСЕН МИР!

Дочери Илоне-Алтынчач

Когда отложишь дела в сторону
и, раскинув руки, посмотришь вокруг,
то невольно и просто воскликнешь:
— Здорово!
Как прекрасен мир! — удивишься вдруг.

Я иду,
все живое сердцем приемля,
слышу голос кукушки в ельнике густом.
Не ее ли песня, упавая на землю,
цветами и травами восходит потом?

И, кажется, знаешь
душу всего сущего,
плавающего, летающего,
дышащего, растущего,
и меня окружает бесчисленная родня,
и каждый просит:
— Люби меня!
— Полюби нас! — цветы, раскрываясь, просят
и склоняют головки в немой мольбе.
Ветер рокот реки из низины доносит:
— Неужели язык мой непонятен тебе?

Старые лиственницы, нахмурившись строго,
плеч моих касаются колючей рукой:
— Мы прожили много, мы думали много,
переведи нашу мудрость
на язык людской!

Изболелась душа моя, истомилась,
ведь со всех сторон, от зари до зари,
просят:
«Будь нашим голосом, сделай милость!
От нашего имени говори!»
О, сумею ли здесь, на земле родной,
Чистым голосом стать, красоты земной.

Я — ЧЕЛОВЕК

Я слишком человек,
 чтоб киснуть в кабинете!
Я слишком жизнь люблю,
 чтобы тонуть в бумагах!
Я рву цветы, шагаю по планете,
бросаю в воду камешки
 с размаха!

Иду полянами — прекрасными коврами,
Я — Человек,
 в эпоху Человека
иду, свободный,
 по земле свободной!

Мое ценнейшее богатство — вот эти звезды,
и есть ли что дороже!
Мой дом роскошный — этот мир огромный,
и есть ли кров уютней!

Коня седлаю, выезжаю в горы,
разглядываю спящие туманы
и, у костра пастушьего, спешась,
вдыхаю воздуха живительную свежесть.
В неспешные вступаю разговоры
о жизни — не простой, не однозначной.

Я — Человек, в гостях у Человека,
в желанном мире здесь я — гость желанный!

А вдалеке дожди висят косые,
и по вершинам молнии шагают.
Глядя на них, я сердцем отдыхаю,
глядя на них, я счастьем наслаждаюсь.

ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ

Так ли уж нужны нам, в самом деле,
вещи, тряпки, мягкие постели?

Так ли уж необходимы, право,
эти атрибуты: имя, слава?

Только б на Земле, большой Земле,
ни при свете солнца, ни при мгле,
люди бы людей —

не убивали,

накормить детей —

не забывали.

Лишь бы на Земле, где дождь и снег,
каждый настоящий человек,
каждый работающий человек,
каждый гениальный человек,
каждый Просто в Мире Человек
был бы счастлив!

Лишь бы для его
сердца —

здесь хватало бы всего,

в чем, светясь, нуждается оно!

Говорю, друзья мои, одно:

обживаясь — не впадайте в раж,

дух приобретательства — зловещ:

вещи, тряпки — призраки, мираж,

Счастье всех людей — вот это вещь!

ВЕЧНАЯ ГОЛУБИЗНА

Голубые-голубые реки
вдаль бегут со звоном голубым.
Голубые голоса кукушек
впитывает влажная земля.

Голубое шелковое небо
птицы-челноки, летая, ткут.
И озера тоже голубые, голубые,
в мои глаза текут.

Голубые-голубые ели
по полям проходят голубым.
Голубые-голубые горы
высятся под солнцем золотым.

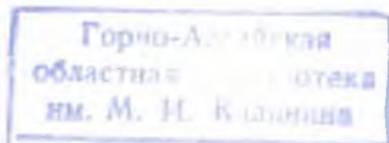
Над страдою моей,
над мечтою моей,
над бедою моей,
маетою моей,

над любовью моей
и тревогой моей,
над становьем моим
и дорогой моей —

мой Алтай,
высота голубая твоя,
мой Алтай,
чистота голубая твоя,
мой Алтай,
доброта голубая твоя.

И душа моя будет покуда жива,
будет жить в ней, светла, молода,
синева,
синева,
синева,

навсегда,
навсегда,
навсегда.

СЫНУ ЭРКИНУ

(Стихи с новыми словами)

Мой сын Эркин родился на Алтае,
в его крови — алтаинка родная,
он отчий край полюбит сердцем чистым,
алтаелюбом станет, алтаистом.

Родясь в горах, наследовал он горство:
стремленье ввысь, бесстрашие и упорство,
и, подрастая, он станет — истый горец,
горолюбитель и горопроходец.

Родился он среди родной природы,
ручьев родных его вспоили воды,
он вырастет здоровым, белозубым,
природолюбом будет, конелюбом.

О да, друзья, он будет смелый конник,
песнепоклонник и танцепоклонник,
он будет мчаться по горам и рекам,
взлетать на лыжах — птичеловеком!

Так будет жить он, духом вырастая,
в стране добра, в Коммуне, в Добростане,
когда исчезнут все следы Злоцарства,
а с ним обмана, зависти и барства.

Пусть, ненавидя человекозверство,
всегда он ценит в людях чистосердство,
пусть, веря человеческому взгляду,
находит в добротворчестве отраду.

Пусть и сынам, когда черед ударит,
алтайчество, как отчество, подарит,
пусть и они воспримут сердца глубиью
народознание и отчизнолюбье!

О, в народе моем,
в мире бешеных рек,
заклинаю,
великий родись человек!
Песнетворец,
мыслитель,
строитель,
артист, —
умоляю — родись,
заклинаю —
родись!
То, что в нашей
веками
копилось крови,
в совершенной гармонии
миру яви!
Высоту
возрожденной
алтайской души
воплоти, о великий!
Родись!
Поспеш!

ВСАДНИКИ

Невозможно громадное солнце,
задевая о горы, звенит.
Едут всадники, ясно их вижу,
слышу дружный цокот копыт.

Невозможно большая луна,
задевая о горы, звенит.
Едут всадники дальше и дальше.
Слышен дружный цокот копыт.

В чаще леса хохочет филин.
Конь пугается, дико храпит.
Едут всадники друг за другом.
Не смолкает цокот копыт.

За невестой ли в горы они спешат?
Долг ли отдать умирающему спешат?
Лишь цветы на тропинке им вслед глядят,
лишь деревья, смыкаясь, машут им вслед.

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ
ЛЕОНИДОМ МАРТЫНОВЫМ

Я в Москве побывал в гостях у поэта.
Славен, известен поэт Леонид Мартынов!
«Вы — алтаец? О, как интересно это, —
говорил он, кресло ко мне пододвинув. —
Сколько вам лет? Как вас зовут?
Я рад нашей встрече и нашему разговору.
Садитесь,

 рассказывайте, как живут
 мои знакомые — Алтайские горы?»

«Когда-то, — сказал он, — в шестнадцать лет,
я был страшно восторженный молодой поэт.
И вот я, представьте, в какой-то книге читаю
о том, как прекрасна природа Алтая.
И вскоре я был уже в пути!

Помню горы и реки,
 перевалы и переправы.

Много сотен верст
 мне тогда пришлось пройти
с ботаниками, изучавшими
 лекарственные травы!

И с тех пор мне кажется: недра Алтая —
словно шкатулка волшебная, золотая,
в которой сокрыты от случайного взгляда
дивные камни, дивные клады.

А на крышке ее
 произрастают чудодейственные растения:
золотой корень, маралий корень.
Кто хлебнет их настой —

 словно свежесть вдохнет весеннюю,
будет крепок духом, настойчив, упорен.

И недаром — помню, подумалось мне, —
так целебны ключи в этой горной стране, —
так резвится зверье в этой горной стране, —
вот что, помню, подумалось мне.

Неспроста — подумалось мне тогда —
здесь несломленно,

 неистребимо живет,

ЧЕГО Я ХОЧУ

Я иду по земле,
как живой, стоязыкий костер,
пламя рук своих ввысь,
в жаркий пепел сгорая,
простер.

Запрокинута к небу
моя голова,
обжигают мне рот
раскаленные угли —
слова.

Революции знамя —
святыня моя,
все она для меня —
и корабль,
и маяк.

Самых верных друзей,
самых смелых друзей,
самых умных друзей —
вот кого я ищу!

Самой чистой любви,
самой нежной любви,
самой крепкой любви —
вот чего я ищу!
Вот чего я хочу!

Весь я, люди,
любовь и доверье,
всех в объятья
готов заключить я.

Что с того,
коль подчас

я, как дети,
 наивен и прост?
Называйте меня
 человеком,
 упавшим со звезд!
Надо мной посмеетесь беззлобно —
 я с вами, смеющийся, вместе,
надо мной надсмеетесь жестоко —
 себя не унижу до мести.

Вон зажегся в грядущем
прожектора свет,
он ко мне дотянулся
сквозь множество лет.
Как по белой дороге
иду по лучу.
Вот в чем счастье мое!
Вот чего я хочу!

НА КАДРИНСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Сверстник мира — Алтай,
 древний-древний,
 любимый, хороший!

Вместе с водью и твердью
 твоя красота рождена.
О, твой лик медно-бронзовый,
 мохом поросший!

О, задымленный старый узор
 на боку тагана!

О, не там ли, вдали,
 нежной дымкой повитой,
у походного теплящегося огня
богатырь легендарный,
 Алтай-Бучай знаменитый,
расседлал Хан-Джейрана —
 боевого коня,
белоснежный, как хлопок,
 потник расстелил по долинам
и забылся — на столетия — сном:
 богатырским, былинным?..

Звездоглазый Алып-Манаш,
 стройный юноша с тонким станом,
в сапогах, у которых
 загнуты кверху носки,
там оленя преследует,
 мощным хребтам-великанам
наступая
 с хрустом
 на позвонки!

В белооблачном шарфе
 стоит великанша Белуха.
Из расселины льется
 источник с волшебной водой.
Слышу голос Хозяина Гор —
 голос мудрого Духа.

Достает из-за пазухи он
чѐёчѐй золотой.
Чѐёчѐй —
светлобокая чаша —
на солнце горит,
и, воды зачерпнув,
мне Хозяин-мудрец говорит:
«Если хочешь народу,
отчизне своей послужить —
по великому счету
свой век ты обязан прожить!»
То ли сердце само,
то ли ветер мне шепчет такие слова —
и смотрю я вокруг,
и кружится моя голова!

РАНО УТРОМ В ГОРОДЕ

Рано утром
голуби ходят, воркуя, карнизам ~
рано утром.
Рано утром
тополя светом солнца пронизаны —
рано утром.
Рано утром на улицах —
столько стройных девчат!
Их глаза блестят,
каблучки стучат —
рано утром.
Ветки, словно качели, качают скворчат,
грузовики на дорогах ворчат —
рано утром.
Рано утром
в этом мире,
 затопленном солнечным светом,
в этом мире,
 звнящем, как голубое стекло,
может сбыться все,
 что загадано было поэтом,
может разом, навеки
 погибнуть земное зло —
рано утром!

РАНО УТРОМ В ДЕРЕВНЕ

Рано утром,
едва открываешь глаза,
их слепит бирюза
яркой толщи могучего, мощного неба.
Словно только что сотворенное,
отделяясь от земли,
ввысь летит и летит,
и звенит, и звенит,
улетает,
тает,
никак не растает.

Открываешь дверь —
у крыльца
теплым ковриком солнечный свет.
Ходят голуби, куры,
клюют золотые зерна,
празднуют.

А у коновязи — конь,
от него — почти огонь,
не огонь, так дым,
а не дым, так пар —
словом, добрый конь и, понятно, не стар!

И первый певец, прославляющий день,—
петух —
уж давно взлетел на плетень,
и во взгляде певца — торжество.

Коромыслу подобно, изогнута песня его.
А длинна-то, длинна!
Удивительно, как не устанет —
так долго он тянет,
что страшно: вот-вот
голос
сорвет.

СМОТРЮ С ГОР

Ночь.

Подперев ладонью подбородок,
я с гор смотрю
и вижу... в городах,

неслышно
грохоча на поворотах,
игрушечные
мчатся
поезда.

Там, в городах,
где жизнь летит, блистая,
чего искал я
и мечтал о чем,
застенчивый и гордый
сын Алтая
с пастушеской котомкой
за плечом?

Быть может, силы,
возгордясь, пытал,
быть может, славу
обрести мечтал?

О, не свою ли песню
убивал я?
О, не свои ли
предавал слова?
Себя, как дерево,
из почвы вырывал я,
и стала вдруг
желтеть моя листва.

А ночью мысли,
словно бы кометы,

все ярче,
все внезапней,
все острее
прочерчивали мозг мой.
Может, это
и было
тайной славою
моей.

Я честен был!
В слова вливая душу,
не тратя даром сил
на пустяки,
писать уже умел
других не хуже
«сверхинтеллектуальные»
стихи.

Но в это время
где-то в синей дали,
в грозу, при вспышках
белого огня,
топтались табуны,
метались,
ржали,
разыскивая, может быть,
меня.

Пастушки-сестры
шли тропой туманов,
в горах встречая
без меня зарю...

Я возвратился,
не пропав,
не канув.
Смотрю в долину.
Думаю.
Смотрю.

Здесь — мой народ,
здесь — все мои родные,
я к ним сегодня обращаю речь.
Мне — не до тонкостей кулинарии,
мне научиться б
хлеб насущный
печь.

Но я еще вернусь к вам,
города,
и не за славой
я приду тогда!
Приду, скажу:

«Теперь уже не стану
ни подражать,
ни жаться в уголке:
судьба земная смуглого Дымана,
судьба земная смуглого Амана
в моем сегодня
песенном мешке!

Мой стих.
не отраженным светом ярк
чужих открытий,
мыслей и стихов.
В нем — смех усталый
девушек-доярок
и жесткая закалка
пастухов.

В нем — сны туманов,
бег коня лихого,
крик журавлей,
над облаком — звезда,
все, что живет во мне
и просит слова...»

Немного подождите,
города!

ВЕТЕР ВЕРШИН

Осень.

Рушатся с бурых нагорий

злые,

звонкие, свежие ветры,

и бушуют леса,

словно море,

желтой краской

обрызганы щедро.

Лето было!

От медного зноя,

духоты,

комариного писка,

выше, в горы,

к прохладе альпийской

уходило тогда

все живое.

Я и сам

от асфальтов, расплавленных в жижу,

пересудов и сплетен,

коротких и длинных

(тех же, в сущности,

мелких щипков комариных),

скрылся в горы,

к вершинам поближе...

Отпылало.

Прошло.

И сегодня,

куда мы ни бросим

взгляд, —

задумчивым зеркалом

высится

осень.

И не больно уже глазам.

Осень высится чисто и немо.

Остывает

огромное небо,

словно снятый с костра
казан.
А вчерашний летний
ветер-шалун
вырос нынче,
свищет над миром,
он могуч, плечист,
он уже не юн,
словно мальчик,
ставший батыром!
О, скользящий с вершин,
о, звенящий стрелой,
о, свистящий,
о, свежий
ветер!
Я люблю тебя,
я повлю тебя,
распахнув объятия,
ветер!
Ну, а ветер все крепче,
он летит и поет,
свищет, воет —
по-доброму злой.
В это время
каждое древо
экзамен сдает:
кто крепче связан
с землей.
Листопад —
колесом!
Каруселью —
листы!
И леса
для грядущего лета
чисты!
Стало небо пустынной,
ветром промерянное,
птицы ищут на время
в скалах приют,

лишь вороны,
дуры самоуверенные,
неуклюжими крыльями
против ветра гребут.
Но проходит всего минута,
и —
 в кусты, развернувшись круто!
А кругом —
 гремящий простор!
Я навстречу руку простер,
как на жести гремящей стою, —
и торжественным жестом
 приветствую силу твою,
ветер!

ПЕСНЬ БАТЫРА

(По мотивам героического эпоса)

Диких коней объезжать я родился,
гордые песни слагать я родился,
храбрых в бою побеждать я родился,
снежных вершин достигать я родился.

Девушек нежных любить я родился,
в песне хвалу им воздать я родился,
звезды на небе добыть я родился,
людям добычу раздать я родился!

Солнышку радоваться, как дитя,
наглого наземь валить шутя —
вот для чего я родился!

Славу народа хранить и беречь,
гордость в сердцах пробудить и разжечь,
вот для чего я родился!

Кто я?

Алтайский бесстрашный джигит!
Кто, дерзновенный, меня победит?

Ты ли меня одолеешь, наглец,
пютую злобу на сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта Земля — мать моя!

Шаг мой один — десять твоих!
Слово одно мое — десять твоих!

Верх надо мною
взять ли тебе?
Нет!

Ни в гоньбе,
ни в борьбе,
ни в стрельбе...

Непримиримые, вышли мы в бой,
правда — за мной, а обман — за тобой.
Вышел я в бой сам — один, сам с собой,
сколько приспешников вышло с тобой!

Ты ль победишь, злобный хитрец,
черные помыслы в сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта Земля — мать моя.

ГУЛЛИВЕР

Дорога дикого гуся — через моря и вершины.
Птичника обитатель,
тебе ли о ней судить?
Сквозь шторм, сквозь пламя —
дорога истинного мужчины.
Комнатный обыватель,
тебе ли о ней судить?
Жизнь,
ты создана,
чтобы
смело тебя прожить!
И сам ведь я
создан,
чтобы
смело тебя прожить!
Дай же мне руку
на равенство, дружбу и веру!
Жизнь,
не дадим лилипутам
связать Гулливера!

скрылась по всей округе,
и мы разводим руками,
растеряны,
смущены.

Но —
как бы зима-старуха
ни злобствовала напоследок,
весна не остановилась,
помалу — свое берет.

Птицы не замолчали
среди нерасцветших веток:
дрожат — но поют!
И время
тихонько
идет
вперед.

А чей это голос слышится
с завьюженной опушки?
То — голос извечной вестницы,
зовущей весну встречать,
не соловья знаменитого —
простой алтайской кукушки.

Ее,
раз время настало,
заставишь ли замолчать?

Идут ребята-сакманчики
(а снег все падает с неба),
у них на руках — ягнята
(а снег мелькает, слепящ).
И вещей птицы — кукушки —
на мрачном празднестве снега
песня звучит
весенняя,
о солнце —
среди голых чащ!

АНТИЧЕЛОВЕК

В то утро я на небо посмотрел
и не зарю увидел: море крови.
В то утро я на землю посмотрел
и не ручьи увидел: струи крови.

Шар земной рассекли границы —
из каких гранитов они?
Разнолики
 людские лица,
но сердца,
 но чувства —
 одни!

И одну, простую,
 давно
истину понял я:
люди разны, как братья,
 но
человечество
 есть семья!

Антимир вы ищете, физики?
Бросьте, физики:
 только одна
в мире есть антитеза миру:
антимир —
 это есть
 война!

Лишь когда человек человечен,
человек — Человек!

Человек главенствует в мире,
в антимире —
античеловек.

Называемый сверхчеловеком,
он на деле — недочеловек!

Зверь, звереющий в чаще, — создан
таким,
и вины не предъявишь ему.

Человек, человека преследующий,
изменяет себе самому.

У него оболочка людская —
кожа, мускулы, интеллект,
но его оболочка — пустая:
человека внутри ее —
нет.

Ибо суть человека,
как выяснилось,
помещается в сердце...

И, детей чужого народа
превращая напалмом в калек,
на свою человеческую природу
он охотится,
«сверхчеловек».

День за днем в себе человека
добывает «сверхчеловек»!

Волк,
попавший в капкан
и марающий кровью снег,
лев, крадущийся за человеком,
человечней,
чем человек,
переставший
быть человеком.
Пусть его постройки
небо скребут,

МАТАДОР

*Великому поэту Испании
Федерико Гарсиа Лорке*

Вот рука моя левая.
Не плащ в ней трепещет алый —
сердце смеется мое.
Вот рука моя правая, —
она не шпагу разящую сжала,
а мысли моей раскаленное острие.
Я — матадор. Не арены песок подо мной,
а зеленые травы земли родной.
Я — грядущего радостный сын.
Отчего же
мысли моей не сверкать,
сердцу не ликовать?
Вчерашние правда и жизнь,
вам не век вековать,
вы сегодня становитесь ложью.
Ложь — чудовищный бык.
Я — матадор. Я с быками сражаться
привык.
Эй, мой бык! Мы тебя пощекочем кинжалом,
красным сердцем подразним тебя,
набитый мешок.
Все увидят, что ты хоть огромен, а жалок.
Все увидят, как ты смешон.
Ты будешь метаться в слепом озверенье,
пока моя шпага тебя не пригвоздит к арене.
Но однажды, быть может, поднимешь меня
на рога,
к солнцу беспечного вскинешь врага.
У ног твоих молча застыну,
поперек рубежей свое тело раскину.
Но сквозь кровавый туман разгляжу я,
пожалуй,
как придет невидимка — мать, время мое,

подтолкнет мою руку,
и шпаги сверкнет острие,
в сердце твое войдет холодное жало,
в лицо мне кровь твоя хлынет струей.
Годы пройдут. И где-то в глухом захолустье
уснет мой клинок под музейным стеклом,
во сне он почувствует с грустью
жаркий бой, южный зной, рукоплесканий гром.
Будешь ты окружен экскурсантами —
шумным народом,
матадорам напомнишь — юнцам желторотым —
промах мой роковой, он мне стоил — увы! —
головы.
Им захочется жить, не зная покоя,
быть все время в бою, всякий раз побеждая
быка,
у матадоров не часто бывает такое —
их профессия нелегка.

ЭТОТ НОЧНОЙ ВЕТЕР

Этот ветер ночной — неужели сошел он с ума?
На кого рассердясь, он стучится в людские
дома,
этот ветер ночной?

Для чего он тревожит уснувших людей?
Для чего замирает у окон, дверей?
Для чего налегает на ставни плечом?
Вопрошает — о чем?
Умоляет — о чем?

Может, где-то
пожар занялся на земле?
Может, путник
один заблудился во мгле
и взывает о помощи —
слабый,
больной?

А быть может, он — я,
этот ветер ночной?

НОЧЬ

Ночь темноглазая
смотрит в комнату.
Мир потонул во мгле.
Думаю.
О жизни своей — думаю.
Часы стучат на столе.

«Я твой друг, — мне ночь говорит. —
Узнаешь меня? — шепчет мне. —
Знаю: будешь опять
до рассвета не спать,
будешь мир постигать
и себя постигать
до утра
в ночной тишине».

«Я твой друг молчаливый, —
говорит она мне. —
Твои лучшие мысли
рождались в моей тишине,
улетал ты к созвездьям
в просторах моих,
что узнал — расскажи», —
говорит она мне.

«Много раз, — говорит, —
в моей тишине
оставался ты с совестью наедине,
сокровенное
из глубин души
поднималось,
всплывало в моей тиши.

И пока ты жив,
я с тобою — рядом,
тишиною моей

и взглядом
я всегда тебя поддержу,
я раздумья твои сторожу...»

Миги времени отсекая,
на столе будильник стучит.
За окном большая-большая
зверем сказочным
ночь стоит.

Мысль моя,
как росчерк молнии,
с треском рвет
времен полотно.
Не мигая,
глазами темными
смотрит ночь на меня
в окно.

ЭХ, ТЫ, МИЛАЯ МОЯ,..
(Шутливое)

Эх ты, милая моя,
маленькая женушка!
Сладко дышишь ты во сне,
ровно дышишь,
солнышко!

И не знаешь: я — не сплю,
молча жду зарю.
Может, я с Леоновым
среди звезд парю.

Может, погибаю,
зубы стиснув яро,
на холмах Боливии
с майором Гевара...

Ну, что тебе стоило,
женушка моя,
выбрать не такого
супруга, как я?

Вы бы уж, наверное,
мотоцикл купили.
Вы бы уж, наверное,
На «Москвич» копили.

Ты сейчас бы, радуясь
жизненной удаче,
поливала вдохновенно
огурцы на даче.

А с меня — что возьмешь?
Я — алтайский поэт,
все имущество его —
его тридцать лет.

Десять метров комната —
и весь белый свет.
Ничего-то более
у меня нет.

Кто-то скажет о тебе:
«Невезенье редкое»,
дорогая ты моя,
женушка корректора...

—Где ты был? — Тамара накинется. —
Аспид, пьяница, лиходея?!
— Я полетал немного, —
Демон тихо ответит ей.

Как не понять Тамару —
беда ведь с таким муженьком!
Бежит в женсовет многодетная мать,
оповещает местком.
И я там был, но меду не пил,
ничего не текло по усам.
Я был на собрании секретарем,
я протокол писал.
Слышал, как Демон каялся
малым детям под статью,
больше, говорит, не буду
ни пить, говорит, ни летать.
Выяснилось: и на службе
с ним было мученье одно —
разложит, бывало, бумаги,
сидит и смотрит в окно,
туда, где синее небо,
где края облаков горят...
И план всему коллективу,
чуть не сорвал, говорят...

Ох, и досталось Демону!
Жалко было его.
Женщин бригада целая
накинулась на одного,
сколько их было, не помню,
но, кажется, пять или шесть,
а шесть рассерженных женщин
способны и черта съесть.

Теперь исправился Демон,
не пьет, впустую не грезит,

купил мотоцикл,
на рыбалку по воскресеньям ездит,
ходит красивый, румяный,
с кругленьким животом,
скоро квартиру получит новую —
профсоюз хлопочет о том.
Больше в тоске непонятной
не смотрит на небо, в окно,
после работы, в пижаме,
садится за домино.

Еще иногда пытаются
ребятишки к нему пристать:
— А правда ли, Демон Степанович,
что вы умели летать?
Вздохнет чуть заметно Демон,
гладок, чист и побрит:
молод был, говорит,
глупый был, говорит,
вот и летал, говорит.

Идея моей поэмы
здесь выражена прямиком:
Демона перевоспитавший
да здоровствует наш местком!
Да здоровствуют оповестившие
об этом граждан страны
областные — «Звезда Алтая»
и «Алтайдын Чолмоны».

О ТЕБЕ

*Жене Вере Темирек, дочери рода
Даг Карга и Суг Карга (Горных и
Речных Ворон), живущего в горах
Хакасии и Шории*

Ты красива,
но есть на земле и другие,
красивые тоже.
И все же —

нет милее тебя.

Ты добра,
но ведь есть на земле и другие,
столь добрые тоже.
И все же —

нет милее тебя.

Ты нежна,
но ведь есть на земле и другие,
столь нежные тоже.
И все же —

нет милее тебя.

Ты чиста,
но ведь есть на земле и другие,
чистейшие тоже.
И все же —

нет милее тебя.

И на целой земле, никогда и нигде,
нет милее тебя!

ЛЕБЕДЬ, ЛЕТЯЩИЙ ВВЕРХ
ПО ВЕСЕННЕЙ КАТУНИ

Я — лебедь-певун,
летающий вверх
по весенней Катунь,
на катунских скалах туман
белыми парчами
расплескался.

Малиновым пожаром
маральника

объяты
розовые лики скал.

Я — лебедь-вещун,
одиноким летающий
вверх по весенней Катунь.
Одно мое крыло —
только любовь к тебе, моя милая.

Другое мое крыло —
только любовь к вам, мои люди.

И когда время мое завершится,
и придет мой черед уходить,

на одно мое крыло
положите меня

и другим крылом моим
укройте меня.

Ведь в жизни своей
я вас любовью окружал,
как катунские скалы —

туман,
алым пожаром маральник.

и, сквозь горную синь
медленно разглядывая
волшебных девушек,
дождаться мою единственную любовь,
идущую сквозь синее время.

А вам,
мои милые люди,
чтоб вы не заскучили, —
вот вам эта зеленая веточка —
мое улыбающееся стихотворение.
Нате, держите
цветок моего сердца.
Не уроните.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

На Красной площади по вечерам
так ощутима крутизна планеты,
пространства кривизна...

Открытый всем ветрам,
стоишь в лучах космического света
близ Мавзолея...

К звездам в небесах
возносятся здесь башенные звезды,
огонь их теплый —
как огни в домах;
рубин, сочась,
подсвечивает воздух.

И чувствуешь:
душа твоя легка;
а дума —
бескорыстно высока...

И отзываются в твоей груди
Отчизны необъятной
грады, веси...
Весь путь ее,
лежащий позади,
грядущие
эпические песни...

На Красной площади по вечерам
такой нагорной свежестью ты дышишь.
И видишь вдруг
не очаги,
не крыши,
а всей Вселенной
лучезарный Храм.

ЛЕНИНГРАД. МАРСОВО ПОЛЕ

Весна... Но ветви голы и черны,
и капли талые в сырой сугроб стекают,
а дети в парке все еще играют
в снежки, зиме по-прежнему верны...

Вблизи суровой каменной стены
стою, молчу в торжественной печали, —
приехавший сюда из дальней дали,
чтоб поклониться невским берегам.
А над стеной колышутся туманы,
и ледяная влага непрестанно,
как струйки слез, стекает по камням.
Гляжу на пламя Вечного огня —
он, словно шелк, среди камней взлетает;
идут года — оно не иссякает,
горит, как факел завтрашнего дня.
Ударятся в подножье этих стен
времен грядущих пенистые волны,
но эти камни столько славы помнят,
что им не страшен ветер перемен.
Строга, сурова летопись камней:
смертельные бои в ней отразились,
и так ее скрижали наклонились,
чтоб бронза слов была еще видней...

Рожденный в недрах невской черноты,
здесь гулкий ветер пролетает низко,
огонь трепещет возле обелиска,
качаются измокшие кусты.

Спокойно спят под Вечною стеной
те, чьи сердца и в гибели сияют:
они костры свободы зажигают,
зовут народы на священный бой...

Нет сил уйти от Вечного огня.

Иль это моря близкое дыханье,
иль бронза слов струит свое сиянье
мне в сердце, — но сегодня счастлив я.

Исхлестан острым ветром Ленинград.
Сырая ночь. И хмурый снегопад.
И, тягостно скрипя, деревья гнутся...
Но в непогоду звонче во сто крат
я слышу песнопенье революций.

У пламени высокого стою.
Себя в былом,
в грядущем узнаю.

БАЛЛАДА О БАКИНСКОМ ВЕТРЕ

*Арифу Аджалову, поэту
и тюркологу (г. Баку)*

Ты ночью в мое постучался окно,
и я отворил тебе дверь на балкон,
ты, Каспия ветер, сын грозного моря,
друг чаек, ревнитель стремительных
волн,

Входи. Побеседуем.
О кораблях,
их тайных мечтаньях,
когда на рассвете,
под взмахи и посвист
попутного ветра,
уходят они в вечно новую
даль.

Давай разгадаем,
о чем в темноте
беседуют молча
два бакена в море:
о долге, разлуках,
содружестве в море,
отваге людей
от земли вдалеке.

Знавал я такого, как ты,
на Алтае
бродягу, веселого гостя ночного.
Ко мне он спускался
со снежных вершин.
Он запахом кедра мне в комнату веял,
он с пастбища запах костра доносил,
дух шубы чабанской, отцовой овчинной,
дыханье сторожкого, верного пса

и рыси, что ночью крадется к отаре,
и пороха запах — дымок из ружья
охотника-брата...

И вот ты приветно
взъерошил мне волосы, бегло погладил
мне голову — и неумное сердце
насытил такими вестями, что петь мне
всю жизнь — и не хватит всей жизни моей,
чтоб песней поведать:

как любишь ты Каспий,
как ночью прекрасен твой город Баку;
о звездах, горящих над морем бессонным,
о сердце мятежном, привольном, влюбленном,
о свете небес
и огней на борту...

Мне шарф подарил ты —
бакинского ветра,
приморского ветра
тугую струю...
И дальше умчался
гулять на просторе:
ведь в комнате нечего
делать ветрам!

Спасибо тебе за подарок!
Отныне
я с шарфом бакинского ветра ночного,
соленым и свежим,
по белому свету
иду, окликая пространство и время,
и душу мне греет
Свитый из ветра
Тюркский твой шарф.

КАСПА — РОДНОЕ СЕЛЕНИЕ

Там за горами, далеко-далёко,
В селе алтайском,
Средь лесов крылатых,
В дыму черемух белых
Опустелый
Я вижу дом
И юрту, как шалаш...
За ними, за холмом,
Под белым камнем
Лежит отец,
И тихую могилу
Привычно перешагивают овцы,
Пасутся мирно, точно облачка
Белея над могильным теплым камнем...
Мать и сестренка в доме:
Только двое
Остались от разметанной семьи...

Какой простор! На склон горы взбираясь,
Родимое селенье высью дышит.
А дальше, за долиною Катунь,
Чемал вздымает снежные вершины,
Белеют Три Сюмера, величавой,
Бессмертной думой озарив чело...

Средь этих гор могучих, исполинских
Вершин — мое село, моя Отчизна,
Каспа моя заветная лежит.
Здесь каждый дом мне мил,
И каждый житель —
Мне родственник, брат сердца моего.
Вот где моя
Незыблемая крепость,
И колыбель,
И сил моих источник.
И стоит возвратиться мне сюда,

Мой дух опять привольно воспаряет,
Как в юности, ликует и летит.
А лишь заговорю со старожилом
Мест этих отчих, мысль моя смелеет,
Светлеет взор, и вновь дорога жизни
Передо мной не слишком тяжела.

ПЕСНЕПОДОБНАЯ РОДИНА

Что ж тут поделать, печальное сердце:
больше всего эту землю люблю.

Где дребезжащее блеянье стада -
как перезвон
между склонами гор...

Где ледники голубеют под небом,
горы, как стражи пространства, стоят...

Люди мне здешние —
всех ненаглядней,
эти потомки
могучих племен,
мчавшихся вихрем по свету,
ушедших
за голубой небосклон.
Эти потомки
иль даже обломки
грозных племен
баснословных времен...

Что же мне делать,
упрямое сердце:
словно бы дерево,
в почву я врос.
Точно бы камень,
впрессован веками
в гору,
горами
для гор
я рожден.

Если земля эта счастлива, —
счастлив;
если страдает, —

страдаю и я.
Если удача мне светит, —
восходит
и над землей моей
в небе звезда...

Здесь мои корни,
побеги и лес мой,
здесь выросли
все песни мои,
здесь, на волшебной
заветной земле
песнеподобной
земле...

СЫНЫ БОГА — КЁК-ТЮРКИ¹

Великому евразийцу, Мураду Аджи, чья книга «Полынь Половецкого Поля», раскрыла глаза многим читателям на славную историю героев-предков, зажгла в их сердцах вновь Свет-огонь достоинства и силы, гордости и чести, любви и благородства.

Козни сплетая,
на земли Алтая
недруги зарятся снова.

Гневный взор мой,
в глубь веков проникая,
видит блики былого:

Свод небес —
Древнетюркская Юрта —
приют голубой и огромный.

Золотая стрела богатырского лука
устремляется к солнцу
с тетивы напряженной.

Вновь император свирепый
на тюрков полки направляет,
кичась своей мощью и силой,
кровавый погром затевая,
вещает Алтаю
шипением Великого Змея:

— Богат этот горный кров.
Горд тюрков свободный конь.

¹ Кёк — Небо, Бог (*тюрк.*). Кёк-Тюрки — Божьи (Небесные) Тюрки. Их героизм, доблесть Воинов Бога происходили от того, что они несли весть Миру о Небесном отце — Тенгри, служили ему, служили Свободе и Чести.

Гордому роду — кровь!
Юрте Алтая — огонь!

О, сердце в груди!
Я вижу:
Волк со знамени тюрков
бежит впереди!
Мудрый Бильге-каган
встревожен за свой народ.
Воинственный Кюль-Тегин,
сжав зубы, глядит вперед...

А позади — мой Алтай,
как шлем богатырский,
крут...
А по морщинам гор,
как думы,
тучи бегут...

...Теперь мы не древние тюрки,
не тот
одинокый и горестный род!
Народы слились, словно реки,
в единый и гордый народ!

Чисты наши мысли,
как скалы Алтая, чисты!
Могучее войско —
лишь страж пограничной черты.
Но вольнолюбивые предки
глазами потомков глядят.
Погибшие предки
гнев жертв вложили в мой взгляд.
С какой стороны б ни грозили,
кичась, моей вечной стране,
кровь тюрков бурлит,
память древнего Подвига
будит
во мне!

СТЕПЬ КИПЧАКСКАЯ
(Слушая музыку Курмангазы)

*Олжасу Сулейменову, автору книги «Аз
и Я», собрату по Литинституту*

Кони, кони, кони мчатся,
хрипы, ржанье, едкий пот,
спины крепкие лоснятся.
Степь Кипчакская поет.
Ковыли ковром ложатся.

Топот, топот, топот, топот...
Это песнь Курмангазы.
Это мук сердечных шепот,
и орлиный жадный клекот,
и предвестие грозы.

А заря на горизонте
полыхает все сильнее...
Отражают отблеск красный
спины мокрые коней.

Ждет батыров бой кровавый,
только им неведом страх,
поднялись не ради славы:
имя чье-то на устах, —
имя Родины любимой,
в сердце трепетно хранимой,
да прославится в веках!

И столетье за столетьем
исчезало словно дым...
Сказ звучал над степью вечно.
Над простором ветровым.

В столах домбры — страсти битвы
и страдания людей,

упование молитвы,
ржанье яростных коней.

Может быть, от этой песни
ноет сердце у меня;
вижу, как батыр безвестный
горячит в бою коня.

Вижу тот поход последний
так, как видели века —
воскрешает жизнь кочевий
звуков бурная река...

Топот, топот, топот, топот,
сердца раненого стон,
мук его небесный шепот,
звон струны и битвы звон...

РОДНЫЕ НАГОРЬЯ

В просторе нагорий,
вдали от житейских разладов,
валами зелеными
к солнцу вздымается лес...

Там светятся
белые кисти
немых водопадов,
свисая со скал,
подпирающих полог небес...

Туда!

Искупаться в пылающем Солнце,
одеться
прозрачной прохладой,
сияющей свежестью гор,
чтоб снова
небесною речью
потряс мое сердце
язык летних гроз,
чтобы вновь прояснился мой взор!

Пусть душу омоет
слепящее полымя Света —
себя без остатка отдам
озаренным горам:
подставлю ладони
аржанам¹ алтайского лета,
подставлю лицо обжигающим светлым ветрам!

С травинкой и камнем
незримую связь обретая,
почувствую вновь
в неделимой природе Огня,
как тело мое
превращается в тело Алтая,

¹ А р ж а н — целебный источник.

как Солнце и Ветер
вливаются силой в меня!

Стеклянные ливни,
звения,
соскользнут с небосвода;
улыбкою Солнце блеснет,
засверкает зенит...
Священной водой
окропит мое сердце природа,
внезапная мудрость
раздумья мои озарит.

Тогда —
долгожданный венец
моего воскресенья —
мне встретятся люди —
родные мне жители гор...
Естественный, словно река,
небеса и растенья,
я с ними о многом тогда
заведу разговор...

С восторгом, с печалью
одно человеческое слово
вернет меня в жизнь
в сокровенной ее тишине...

Душа успокоится,
дух распрямится, и снова
былое Бесстрашье
навечно вернется ко мне.

Родство наше кровно, о люди,
и в счастье, и в горе.
Я снова живу,
словно сбросивши тягостный груз...
Теперь, исцеленный
целительным Солнцем нагорий,
как бурный и свежий поток,
я в долину
ворвусь!

АЛТАЙСКАЯ НОЧЬ

Серебряный звон в тишине
над снежными гребнями гор
не мешает луне
с вершиной вести
разговор...

Серебряный звон в небесах...
О чем в далеких лесах
шепчут ветра кедрачу?

А по горам
над долинами,
моргая ресницами длинными,
маралы идут к ручью.

Голос бессонных рек
звучен в ночной тиши.
Тихо поет человек
песню своей души.

Видно, молчать невмочь.
К звездам стремится взор.

Серебряно-звонная ночь
над белыми кряжами гор.

ЛЮБОВЬ И ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Гореть так гореть —
пусть пламя до Солнца
взметнется!

Звенеть так звенеть —
пусть песнь в небесах
отдается!

Любить так любить —
пусть вешнее сердце
забьется!

Прожить так прожить —
пусть жизнь через край перельется!

И бить — так уж бить,
за правду расходуя силы;
не быть — так не быть,
не нить у разверстой могилы;

На белом на свете
хранить до немого предела
лишь ценности эти —
Любовь и любимое дело!

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

*Писателю и тюркологу Иштвану Даби
(г. Кечкемет, Венгрия)*

Выехать бы мне на аргамаче,
да с запасом полным в арчимаче¹,
да проехать на лихом коне
по алтайской горной стороне!
Истомясь душой от тесноты,
со скалы глядел бы, как с небес,
как уходят
горные хребты,
на горбах вздымая,
древний лес...

Созерцая неприступность гор,
стал бы вновь
неукротимым взор...

Темный ельник мимо прошагал,
а навстречу,
убегая ввысь,
мимо мхом обросших синих скал
реки белопенно вознеслись!

Неумолчный рокот буйных рек
счастье насулил бы мне
навек...

Лунным светом ярко осиян,
спит Алтай,
и ночь белым-бела...

Я
к цветам распластанных полян

¹ Арчимач — переметная сума.

низко наклонялся бы с седла...
Средь теней
касался бы слегка
я ресниц пушистого цветка...

И провел бы долгие часы
я под кедром,
звонким от росы:
вел бы, серебристо зазвенев,
мой топшур¹ щемящий свой напев...

Вечным сном охваченная мгла
вспомнила бы клетоты орла,
и сказанья,
полные мечты,
вспомнили бы снежные хребты...

¹ Топшур — музыкальный инструмент.

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА ЛЮБВИ

Бери мое сердце —
раскрыта ладонь.
Дарю тебе этот
заветный огонь.

Лишь сердцем, быть может,
тебя я достоин.
Лишь сердцем. Оно —
мой единственный воин.

Лишь сердцем увидел
я лик красоты:
твои дорогие
черты.

В тебе
человека небесную сущность
открыл я,
а думал,
что это —
в грядущем...

И сам я с тобою
не знаю бессилья.
Гляди: серебрятся
в ночи мои крылья.
По лунной дороге,
седому лучу,
мне кажется,
в небо
лечу...

Ты царствуешь в сердце моем,
но не рабской
да будет любовь,
а с повадкою царской.

И щедрой, и вольной.
Такая природа
любви,
что закон ей,
как птице, —
свобода!

Бери мое сердце.
Раскрыта ладонь.
На вольном ветру
полыхает огонь.

Бери мое сердце.
Бери.
В ответ ничего
не дари.

ДЕТИ ВОЛЬНЫХ ГОР АЛТАЯ

Мне радостно, весело видеть,
как дети алтайских аилов
проходят по улицам шумным.
Их щеки горят на морозе,
глаза их, тела и движенья
пронизаны ветром нагорий,
дыханием пастбищ весенних.
Журчанье ручьев родниковых
в их разноголосице слышу.
Их волосы ливнем внезапным
омыты на сенокосах,
в лесах, на полянах цветущих.
И молнии их озаряли,
и грозы над ними гремели,
когда, ухватившись за гриву,
они на конях пролетали
по солнечным пастбищам горным.
Таежные тайны Алтая
в сердцах их живут от рожденья;
и тишь чудесных глазенок
любовью наполнена к людям.

СЫНУ ЭРКИНУ ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

Сынок Эркин, веселый, черноглазый,
козленок тонконогий, шустрик мой,
мне, твоему отцу, ужасно надо,
чтоб счастлив был ты, весел и здоров,
чтоб гордым был ты и не знал печали,
моя надежда, зернышко мое.

Хочу я, чтобы ты любил Отчизну,
ее нерасторжимой частью был
и разделял всегда судьбу народа —
его неотторжимой частью был.

Пускай тебя минует лихолетье,
но знай, беда людей — твоя беда,
и мне, отцу, отрадно будет видеть,
что людям беспредельно предан ты,
что ощутил себя пылинкой мирозданья
и слился со Вселенной всей.
Настанет время, верю, слитность эту
ты ощутишь — с природой и людьми.

Тебя счастливым и достойным вижу.

В ГЛУБИНАХ ГОР

*Поэтессе Лейсан Идиль и художнице
Сание Жамал (г. Казань)*

Голубых вечеров голубые снега.
Дальней горной гряды голубая дуга.
Как мечты голубые, чисты и легки,
вьются, в небо всходя, голубые дымки.

Как изменчива жизнь
в неизменности гор!
Белый лебедь блеснул и пропал
среди озер,
но лететь, оперяясь,
другим лебедям
к голубым и таинственным
будущим дням...

Только б с прежнею мощью
неслась сквозь века
голубая Катунь, белопенна, звонка!
Только б с прежнею силой
сиял надо мной
сосен вечнозеленых
туман голубой...

КОНИ В ГОРАХ

Глядеть мне любо —

как несутся кони.

Простор распахнут, даль ясна.

Нет в седлах седоков и нет погони.

Не горячат их стремяна.

Свобода лишь — погонщик своевольный

Полощет гриву не лету,

Грудь распирает радостью — до боли,

Спина тугая — вся в поту.

Что в мире может быть коня прекрасней?

Заржет — как будто пламя из ноздрей.

В галопе иноходцы светлой масти,

Их шеи — как у лебедей!

Спускаются с еланей вниз, в долину,

И грохот — как скалы обвал.

В загон вкатилась ярая лавина —

Горбатый океанский вал.

Джигит глядит, глядит в загон со страстью,

Глаза зажглись сухим огнем:

Все помыслы его сейчас во власти

Немого восхищения конем!

Глаза коней огромны, диковаты,

В них плещет молний синева...

И не страшны коням громов раскаты

И ветер, гнущий дерева.

С еланей кони нам приносят тайны,

Смородины вкуснейшей дух,

цветов отцветших легкий пух

и сладостный, густой, необычайный,

нежнейший аромат лесной малины...

Мы слышим крик далекий журавлиный,
А там встает кедровника стена
с ее загадочным тугим гуденьем,
мерещется вдали стада олени,
над ними звезды и луна...

БРАКОНЬЕРЫ НА АЛТАЕ

В богоданном Хан-Алтае
расплодился браконьеры.
Травят зверя, вырубают
лес — без разума и меры.

Где кедровники шумели,
там пила визжит ночами.
Драгоценные орешки
на базар везут пудами.

Всю тайгу уже изрыли
в жажде «золотого корня»,
обирая тех, кто болен, —
врачевать, мол, не зазорно!

Мумиё копя усердно,
горы отчие облазив,
продают дары Алтая
и в Крыму, и на Кавказе.

Чолушманская долина
золотилась облепихой.
Опустела. Браконьеры
с топором гуляли лихо.

Где вы, гордые маралы?
Ваши панты — вам на горе!..
Соболя, сурки и норки
в ужасе забились в норы.

Ненасытны живодеры!
Для чего, кому в угоду
рубят, травят, убивают
безответную природу?!

Благодатного Алтая
на глазах богатства тают.
Чем столетья мы гордились
дети наши не узнают!

ЖИЗНЬ И ГОРЫ

Прямым, в небеса устремленным,
Прожить —
Подобно кедру в горах.

Красиво и чисто,
И честно прожить —
Подобно горным цветам.

Стремительно, весело,
Яростно жить —
Подобно горной реке.

Песню сложить,
Песне служить —
Подобно горным ветрам.

* * *

Один падет за сто друзей.
Другой падет за сто рублей.

Тот — словно песня для людей,
и счастлив радостью друзей.
А тот — слепой природы злей
и зверя дикого лютей.

Удача друга — злит его,
а горе — веселит его.

Мы в космосе одной ногой,
в животной косности — другой.

Один умрет за сто друзей,
другой убьет за сто рублей!

СНЕЖНАЯ НЕЖНОСТЬ

*Поэту Эркемену, Светлому Вестнику
Алтайских Гор*

Идет снег белый,
легкий снег.
Летит пух лебединый,
он накрывает все и всех
пушистою периной.

Снежинки медленно скользят,
задумчиво, певуче,
и тишину вокруг творят,
и обжигают жгуче.

Коснутся вдруг щеки слегка
и тают, тают, тают,
и нежности, любви река
мне сердце затопляет.

Сегодня люди так чисты,
взволнованы, красивы,
так верят — светлые мечты
их сбудутся счастливо.

Земле к лицу и тишина,
и доброта, и нежность.
И уж, конечно, чистота,
и кипенная снежность.

Пушкой пребудет ясным день —
сегодняшний и каждый.
Да не настигнет его тень,
с небес слетев однажды.

БОГ, ВЕЛИКАН, ЧЕЛОВЕК

Льву Гумилеву, великому ученому, россиянину и евразийцу, отстоявшему в долгой борьбе доброе имя и честь тюркских народов, раскрывшему высший смысл их героической истории — видение и обновление Евразии.

Вонзился
в панцирь Вечной Гривы¹ снежной
последний луч
исчезнувшего дня:
разбрызгивает свет во мгле безбрежной,
как жаркий уголь с искрами огня...

И облака,
в кипящем летнем зное
багряно опалив свои крыла,
к вершинам льнут,
где в голубом покое
их остужает и лелеет мгла.

Я — на звериной тропке перевала,
парящего
в глубоких облаках, —
жду к ночи одинокого марала,
старинное ружье держа в руках.
Во мраке гор я выдюжу,
не струшу:
едва возникнет зверь,
как в тот же миг
я погублю его живую душу:
кровь заструится, что святой родник...
Но умница, олень ветвисторогий,

¹ Вечная Грива — название горы Ял-Мёнкю (алт.)

издалека учуявший напасть,
неслышно проскользнул другой дорогой,
чтоб под дурную пулю не попасть...

Взметнув прощально всполохи,
как флаги,
на Вечной Гриве
яркий луч потух,
и облака,
испив целебной влаги,
поджали крылья,
переводят дух.
И вот на горы, водопады, лес,
как беркут,
опустилась тьма небес...

Хребты,
во тьме вздымаясь гордо ввысь,
с небесной близкой бездною слились;
усыпали созвездья небеса,
и россыпями светится роса:
как будто небо в звездном серебре
отражено в некошеной траве.

Как мой собрат,
прекрасный горный зверь,
всем существом я чувствую теперь,
что слился с миром мой свободный дух
сквозь осязанье, зрение и слух,
и главное в нависшей тишине
шестое чувство открывает мне...

Коснусь ли звезд рукой — и наяву
они с шипеньем падают в траву,
сорву ли стебель пучки — и дождем
сок брызнувший осыплет оком...
Поднявшись,
загляну за перевал:

внизу грохочет время, как обвал...
Я чувствую, как грозно подо мной
качается в пространстве
шар земной...

Какая мощь во мне!
Едва вздохну —
нависший полог неба всколыхну.
Вселенную оглядываю я,
как бы уже за гранью бытия...

Созвездия вершат извечный бег.
Я — Бог?
Я — Великан?
Я — Человек?

Но кто увидел, как я здесь возник?!
Кто мне ответит
в этот звездный миг?!

ПЕСНЬ О НЕИСТОВОМ СЕРДЦЕ

Наши предки — Кёк-Тюрки были воинами сверхчеловеческого мужества, истинной чести и благородства, потрясателями и обновителями старого Мира. Великие герои Востока соединили своим подвигом всю Евразию в единый Вечный Эль (Державу). Ныне в преддверии Огненной Эпохи Мессии, Махди, Майтрейи, пусть же воскреснет в нашем сердце светлый образ Тенгри (отца Всевышнего), волю которого исполнили непобедимые воины Востока — сыны Бога, Кёк-Тюрки.

В пасти черного ущелья —
гулкий топот аргамака.

В черном приступе веселья
засмеялся демон мрака:

хохот грохотом обвала,
эхом в скалах отдается!
Витязь вскачь во тьме провала
в ночь неистово несется...

Демон мечется, хохочет,
демон давится от смеха,
духу смертного пророчит
смерть — мучительное эхо:

— Ты небес не почитаешь,
не страшишься бесов мрака,
ты всему предпочитаешь
острый меч да аргамака,

ты ни в чем не знаешь меры,
страсть твоя неукротима,

ты без кротости и веры
дерзко скачешь мимо, мимо!

Ты силен — но не бесплотен,
ты могуч — но не бессмертен!
Твой скакун — один из сотен —
в споре с ветром — незаметен,

ты бахвалишься геройством,
издеваешься над страхом,
поразмысли с беспокойством,
что в конце — пребудешь прахом!

Над супругой ненаглядной
надругается твой недруг,
матерь в доле безотрадной
нищий дом откроет ветру.

Это тягостное бремя
заклучит твой дух в неволю.
Оглядись — еще есть время! —
избери попроще долю...

Звездоглазая супруга
бережет тепло постели,
ждет единственного друга,
что ж ты медлишь? Полетели!

Если в битвах бесконечных
вновь не примешь ты участия —
что случится? В ласках вечных
ждут тебя восторг и счастье!

Ветра черного объятья.
Вечер. Сумрачные скалы.
Духа черного проклятья,
визги, злобные оскалы.

ты без кротости и веры
дерзко скачешь мимо, мимо!

Ты силен — но не бесплотен,
ты могуч — но не бессмертен!
Твой скакун — один из сотен —
в споре с ветром — незаметен,

ты бахвалишься геройством,
издеваешься над страхом,
поразмысли с беспокойством,
что в конце — пребудешь прахом!

Над супругой ненаглядной
надругается твой недруг,
мать в доле безотрадной
нищий дом откроет ветру.

Это тягостное бремя
заклучит твой дух в неволю.
Оглядись — еще есть время! —
избери попроще долю...

Звездоглазая супруга
бережет тепло постели,
ждет единственного друга,
что ж ты медлишь? Полетели!

Если в битвах бесконечных
вновь не примешь ты участия —
что случится? В ласках вечных
ждут тебя восторг и счастье!

Ветра черного объятья.
Вечер. Сумрачные скалы.
Духа черного проклятья,
визги, злобные оскалы.

Витязь гордый и ретивый
в ночь коня без звука гонит,
и копьё над конской гривой
не шелохнется, не дрогнет.

Пред глазами у героя,
чья душа неукротима,
бронзовые блики боя,
кровь и гибель побратима...

Мчится витязь с Богом в сердце
под-над пропастью, по краю...
Он погибнет в звоне битвы?
Победит он? Я не знаю.

Но живут в его обличье
осиянно и незримо
сердца гордого величье,
дух, чья страсть неукротима.

ТЕБЕ ПРИСНЯТСЯ ЗОЛОТЫЕ СНЫ

Когда-нибудь ко мне
приедешь в гости ты
и выйдешь на берег Катуня.
И там,
в малиновом маральника цветенье
чей голос ты услышишь?
Чье шептанье
почудилось тебе в туманной дымке
над тишиною утренней реки?
Тебе приснятся золотые сны,
где будут лебеди
белеть на водной глади
и, растворяясь, уплывать в туман...
Ну разве мало этого —
быть вместе?
И прислониться к дереву,
и чувствовать, как сердце
замирает,
и превращаться в музыку,
глядеть глаза в глаза,
сливаясь с деревом, с водою
и с землей.
Ну разве этого нам мало —
что встретимся мы вновь!

НОЧНЫЕ ТОПОЛЯ

Тихий шелест ночных тополей.
Тонкий шепот ночных тополей.
Хмурый шорох ночных тополей.
Робкий ропот ночных тополей.

Плеск. Журчание. Тени в траве.
Лунный блеск в серебристой листве.
Отчего так вздыхает листва?
Всеобъемлющим чувством родства
связан с каждым листком бытия,
с тополями тревожусь и я...

Вспоминаю сверкание гор,
океана слепящий простор,
ржанье-зов аргамаков лихих,
гул-бурление аржанов живых...

Все яснее для сердца теперь
осознание щемящих потерь,
уходящего лета печаль,
даль любви, стран невиданных даль.

Свет-качанье ночных тополей.
Свет-звучанье ночных тополей.
Детский лепет ночных тополей.
Вечный трепет ночных тополей.
Сердцем вижу в деревьях ночных
свет и горечь раздумий моих.

ПЕСНЕЙ ЛЮБОВЬ ВОЗНЕСУ
(По мотивам алтайского эпоса)

*Поэтессе Тазагюль Закировой (г. Ош,
Киргизстан)*

Резвый конь по каменистой мели
пересек струю Урсул-реки.
Жарко на меня глаза глядели
из-под узкой девичьей руки.
Медлила ты, зачерпнув водицы
на закате голубого дня...
Заглянув под черные ресницы,
отчего я не сошел с коня?

Бил копытом аргамак могучий,
сеял брызги в дымчатую мглу...
Имя я спросил, и ты певуче
назвалась мне тихо: Ай-Сулу...
Голос чистый, как у певчей птицы.
Нежность защемила сердце мне.
Ручейками черными косицы
разбегались по твоей спине.

Был ли, не был, я исчез из виду,
за конем упал туман цветной...
Ты глядела, затаив обиду,
как смыкались сумерки за мной.
С той поры лесами и долами
голубые сны летят, клубясь,
в них кукушка, распластав крылами,
мне поет, присев на коновязь:

— Ты стремился к ликованью битвы,
к яркой славе в пламени войны,
но теперь пусты твои ловитвы,
беспокойством дни твои полны.
Об орлином сердце нет помину,

коль душа любовью пленена...
Жизнь была подобна песне-грому,
жизнь сейчас тоской окружена.
За хребтами, за грядою синей
плачет та, что всех тебе милей,
и мерцают, словно льдистый иней,
жаркие глаза любви твоей.

Молодцы к тебе порою вешней
без толку стучатся в скорбный дом.
Нет от них отбою! — у сердешной
все печали — о тебе одном.
Поспешишь — о счастье возведу я,
а промедлишь — счастье ускользнет! —
так поет крылатая вещунья
с коновязи ночи напролет!

Ночью серебристой, звездной, лунной,
кто там мчится вскачь на скакуне?
На свирели, колдовской и чудной,
кто играет песни при луне?
— Милую крутой тропой оленьей
на святые кряжи унесу!
Над судьбой родов и поколений
страсть свою, как песню, вознесу!

ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ

Люблю людей...
Чем старше становлюсь,
тем больше
этой нежности дивлюсь.
Я на чужбине и в родном краю
в прохожем каждом
друга узнаю...

Достатка мне
не принесло перо!
Да были б совесть,
нежность и добро!
Да был бы человек,
мой друг и брат,
перед которым
прав и виноват...

Иду ли вверх?
Но — дружбы посреди.
Живу в тени?
Но — с песнями в груди!

ПЕСНЯ ТВОЯ МОЛОДАЯ...

Памяти Поэта Лазаря Кокышева, чья жизнь трагически оборвалась от рук подонков в неполные 41 год, 8 мая 1975 года.

Ты от нас далеко,
К дальним звездам ушел,
Друг,
Теперь
Без тебя
Манжерокский маральник,
Сирень Увалы,
Прикатунские яблони
Будут цвести...
Без тебя загораться Семинским жаркам...
Но
Цветущая, вечная
Песня твоя молодая
В каждом сердце останется вечно цвести —
Не старея и не увядая...

ВОКРУГ МЕНЯ — МИР

Пусть утонул в снегопаде
до крыш,
мил мне мой маленький город!
Скрипом
скользящих стремительных лыж
воздух предгорий
вспорот!

Снится весна голубым тополям,
лица студенток румяны.
Солнце,
бродя по небесным полям,
с гор прогоняет туманы.

Сколько знакомых!
Как добр милый край!
Как белоснежна округа!

Сердце,
любовью полно через край,
ищет по улицам друга.

ВЕТЕР ГОР

Ночами
С ледников Белухи
Ко мне приходит
Ветер гор.

В мою квартиру городскую,
Распахивая настежь двери,
Приносит свежесть
Ветер гор.

Всю ночь зовет он за собою,
И на кровавом поле боя
Гудит и стонет
Ветер гор.

Над матерью, убитой горем,
И над погибшими сынами
Со мною плачет
Ветер гор.

Не шарф мне шею обвивает,
А ветер гор!

ВЕЛИКАЯ СОВЕСТЬ

*Кинорежиссеру Рените Григорьевой
(г. Москва)*

В тот день мы хоронили Шукшина.
Москва, притихший Дом актера.
Здесь, в жесткой гробовой постели,
В тяжелых сапогах своих кирзовых,
Шукшин, казалось многим, мирно спал.
«Калины красной» музыка звучала
Чуть слышно.

А казалось, что — кричала.
С калиной трудно было в том году.
Мы только в Ботаническом саду
Букет калины красной раздобыли.
Ботаники убиты горем были,
Переживая общую беду
И как бы нашу общую вину.
Мы и сказать всего-то им успели:
«Букет. Калины красной. Шукшину».
«Калины красной» музыка звучала.
Она через сердца и сквозь глаза
Широкой, полноводною Катунью
Текла туда, на родину его.
В последний раз на друга своего —
Василия Макаровича — глянуть
Входили люди в тихий зал.
Потерян и убит, Белов Василий
Мне вдруг осевшим голосом сказал:
«А мы тут с Васей к матери моей хотели.
Сейчас бы вместе в поезде сидели...»

...Наш сын и брат, все дальше ты уходишь
От нас.
Но не уходишь ты, аходишь
Все неизбежней, все надежней в нас.
Мы вспомним и подумаем не раз,

Что это ты нас замечать учил
Великое, казалось бы, в обычном.
В невзрачном, бытовом и прозаичном
Поэзию и смысл ты находил.
К потерям лучших сыновей своих привычки
Не приобрел великий наш народ.
Он был обескуражен страшной вестью.
Ты был его певцом, его борцом,
Его Любовью, Совестью и Честью.

СВЕТ ЗВЕЗД ОМЫВАЕТ МЕНЯ

*Поэтессе Огультач Оразбердыевой,
сокурснице по Литинституту (г. Аш-
хабад, Туркменистан)*

Родился я среди огромных гор.
Отвесного потока
грохотанье
в душе моей не молкнет до сих пор.

Родился я среди огромных гор.
Небесных вечных ледников блистанье
хранит с тех пор
мой озаренный взор.

Родился я среди огромных гор,
Я знаю грозových небес простор.

Меня среди ночных высоких скал
с рожденья
свет созвездий омывал...

Числом народ мой очень невелик.
Но он — среди огромных гор возник,
учился силе жизни у орла,
как облако, мечта его плыла...

Алтайский мой язык — алмазней звезд;
как дерево волшебное, ветвится,
восходит к небесам, могуч и прост...
Грядущая судьба в горах звенит,
в глазах моих сородичей искрится,
как запах можжевельника, пьянит...

ЯЙЛЮ — ЛЕТНИЕ ПАСТБИЩА

1

Скоро
в горы вернусь...
По зеленым ущельям плутая,
скоро вновь поднимусь
на хребты голубого Алтая,
устремлю долгий взор
на безбрежно-туманные дали,
среди солнца и гор
захлебнусь от любви и печали...
Эту ширь впереди
тотчас памятью сердца узнаю,
И стеснится в груди
боль причастности к отчему краю.
Воля сердцу нужна,
чтоб изведать всю силу причастья:
вот народ и страна —
сердцу этого хватит для счастья!
Только б с ветром седым
в сокровенности тайного знанья
пел кедроч, невредим,
наши древние песни-сказанья,
и ледник среди скал,
в сне-молчании слушая вечность,
над грядою сверкал,
с облаками скользя в бесконечность.

2

Вот и юрты встают
над холодным и свежим потоком.
Пастухи здесь живут
в бытие и простом и высоком.
Здесь же предки мои
скот пасли и охотой кормились,

здесь звенели бои,
когда пращурь с недругом бились
Поклонялись Земле,
Небу, Кедру, Горам, Перевалам,
привозили в седле
рогача — золотого марала.
Воин — горд, светлый взор —
здесь придерживал бег аргмака...
Коновязи узор...
Услышав, как взывает собака,
прадед мой, бородач,
слушал здесь, предвкушая ловитву¹
как под ссень пантач²
ревом
недруга вызывает на битву...

¹ Ловитва — охота.

² Пантач — марал.

В ГОРНИЛЕ КАЯ¹

*Алексею Григорьевичу Калкину,
великому сказителю-кайчи Хан Алтая*

1

Млечный Путь — берега
Ябоганской ночи,
с другом у очага —
мы в айле кайчи.
После трудных наук,
после споров и книг
погружается друг
в наш алтайский язык.

2

Боевой тетивою
загудела струна,
богатырской волною
мир вздымая со дна.
Слышу Азии силу —
бубен яростных бурь!
Вижу Азии милой
неземную лазурь!
И грохочет, и пляшет
бронза, золото, сталь!
И клекочет, и плачет
за курганами даль!
Бьется беркут свободы
в небе с беркутом зла,
с добрым духом природы
бьется желтая мгла,
на долину без края,
за гористый предел
оперенье роняя
черной тучею стрел!
То из далей Алтая,
через ветер и мрак,

¹ К а й — горловое пение.

не ко мне ли вызывает
верный конь аргамак?
И созвездья — стоустым
хором вечных лугов —
раскрываются с хрустом
близ лица моего!..
Кровь моя иссякала —
забурлила опять!
Сила ниц поникала —
стала силой опять!
Упираюсь главою
в синезвездный зенит,
и душа тетивою
боевою звенит!

3

Стою —
Козын-Эркеш — алып¹,
дитя алтайских гор —
плечо мощнее черных глыб,
подобен звездам взор.
Непрерываема, вольна,
светла душа моя.
Неиссякаема, сильна
живая кровь моя.
Где притеснитель бедноты,
где покоритель стран,
где схоронился злобный ты,
звероподобный хан!
Удвоит волю честь моя,
хоть жги меня, хоть режь,
утроит силу месть моя!
Стою —
Козын-Эркеш!
Убьют — я воскресаю вновь,
иду во вражий стан,
от ярости глотая кровь,
меня встречает хан.

¹ Алып — легендарный богатырь.

Меня и черный Айбыстан¹
напрасно не гневит,
Вослед мне белый Курбустан²
с надеждою глядит.
Я знаю —
девушка живет,
чей лучезарный вид,
один лишь вид, меня спасет,
любовью оживит.
И пусть, в какие бы края
судьбой не занесло,
придет к ней весточка моя —
гусиное крыло!

4

Вы лили яд в мое вино,
обманом бросили на пики,
но воскресал я все равно,
и как народ вставал —
столикий.
Я — сын табунщика, раба,
Непобедимый сын Алтая,
громить врагов — моя судьба,
простой народ освобождая.
Да, был повержен мною хан,
хотя владел ордой великой,
но, попирая вражий стан,
я не старался стать владыкой!
Освобождать простых людей,
крушить неправды мира смело —
то было дело жизни всей,
мое единственное дело!

5

Жизнь моя иль дорога
далека и длинна —
перевидел я много,

¹ Айбыстан — имеется в виду царство тьмы.

² Курбустан — верховное Божество.

и во все времена
я в походе, в седле я —
сын раба, но не раб,
стал с веками мудрее,
но в боях не ослаб...

Я — работа, природа,
я — сказаний язык,
я — надежда народа,
страх неправых владык!
Под дорогою Млечной,
под златою луной
я над Азией вечной —
вечный ветер ночной!

6

Ярых
беркутов битвы
синева растворила,
стихли
бубны сражений,
храп коней боевых...
Над дымком лиственничным
в полумраке аила
мудрый голос кайчи
отгремел и затих.
Слово,
давшее нам сокровенное зрение —
слово Алтая,
прорастает, светает,
сердца окрыля,
обоженные в яром горниле
могучего кая,
мы сильнее,
мудрее,
нам ближе
родная земля!

ЛУННОЙ НОЧЬЮ НА ВЕСЕННЕЙ КАТУНИ

Памяти поэта Льва Ошанина, наставника и Учителя по Литинституту

Люди! Я бы весной,
в новолунье,
как черемухи цвет
над Катунью,
свою душу раскрыл бы пред вами
и просыпался лепестками.

Белопенная легкая радость,
грусти тихой
и горечь, и сладость..

Я сказал бы заветное слово,
что душа моя
вечно готова
к вашим душам приникнуть
в час горя,
что с любовью бедою поспорю, —
жизнь прекрасна, но очень сурова.

О какой аромат, ласка, нега!
И маральник расцвел
среди снега
В нем души моей верной
дыханье...

Ледники льют ночное
сиянье,
веет свежестью с горных вершин.
В них мелодия верной души!

Чудеса вам приснятся
сегодня,
как детишкам под ночь новогоднюю.

Я с улыбкой склоняюсь
над вами
и шепчу вам одними губами:
«Солнценосного счастья желаю».

И черемухой всех осыпаю.

ЧОЛУШМАНИЯ

Лирическая сюита

Каран, приятель стародавний,
как здорово, что ты меня
на волю вытащил из дома
и в Чолушманию привез —
таинственную горную страну.

Тут, в Балыкче,
Крыму алтайском,
картошка, весом в два кило,
молочных поросят напоминает,
тут проживает тетушка моя —
Туянина Мария —
прекрасный,
ясный человек.

А яблоки в ее саду,
как шарики на новогодней елке —
дотронься, лопнут,
соком изойдут.
Сад — пиршество для глаз —
поешь от радости, от счастья.
Сад — пиршество для уст —
так сладостны его плоды.

Здесь облик у всех
благороден на диво,
духовности светом
все люди полны.
Потомки они
знаменитых теле¹ —
язык и характер
у них переняли.

¹ Теле — древний народ тюркского корня. От них на Алтае пошли роды телес, теленгит и телеут.

Их говор певучий
и мягок, и ладен.
И слово в устах
первозданно звучит —
как было на камне
начертано древнем.
Куда знатоки
языка подевались?
Должны мы язык
изучать и хранить.
Алтай напился
историей древней,
времен незапамятных
сизою мглой —
и тайны курганов —
могильные тайны,
и облик людей,
и характеры их,
и слово богатырских времен Пазырыка.

На сказку похожий,
нам дед Сюгюнюшев
шкатулку открыл —
в ней преданий не счесть,
и сказок волшебных,
легенд стародавних —
да мало ли что
в той шкатулочке есть.
Язык теленгитский
нам сказку поведал
о доле сиротской,
скитаниях долгих
мальчишки, который
нашел среди долины
чудесную юрту:
из дерева ловко
тот домик сработан...

В межгорье Кек-Баше,
в укромной долине
изящны, красивы
стоят эти юрты,
их десять по счету.
Нигде на Алтае
подобных не встретить
работа искусных
народных умельцев.

Низвергнувшись с кручи в долину,
Башкаус течет с Чолушманом,
сливаясь в потоке едином,
окутанный дымкой туманной.
А место слияния речек
самыком зовут здесь,
в двуречье.

На той стороне Чолушмана
в тумане скала серебрится,
живучи о ней небылицы —
и сладость, и горечь обмана.

Считают, раз камень сорвался —
быть горю — такая примета,
которая значит, что где-то
в тот миг кто-то с жизнью расстался.

Земля наша тайны глубокой
от века полна и доныне,
ее стерегут гор твердыни,
храня эти тайны до срока.
Обилье растений пахучих
и трав, и камней разноцветных —
что этого края есть лучше,
красивей, привольней, приметней?

Каран, приятель стародавний,
ты, верно, помнишь, как спешили
с тобою мы в столь милый сердцу
Кек-Баш на грузовой машине?

О, золотые сны былого!
Я никогда не пробуждаюсь,
во мне живете постоянно,
чудесной осени картины:
деревьев добрый сонный говор,
волны зеленой воркованье
и тишины звенящей сладость.
Беседы тихие за чаем
меж деаушками в длинных платьях,
чуть старомодных, живописных...

И эта красота девичья,
и небо сине-голубое,
и солнце, что легло на скалы,
как будто очень утомилось.
Все-все во мне рождало песню...

Небо осеннее, красок разлив,
Чолушман старый, как прежде, красив...
Девушка стройная с чашей в руке.
Скалы отвесные чуть вдалеке.
Средь очарованных сказкою гор
желто-багряный расстелен ковер,
а на него отдохнуть прилегли
девы-волшебницы — духи земли...
К нам долетает из глуби времен
сказка о жизни, о битвах племен.
Этой земли молчаливый гранит
много былин и сказаний хранит.

В недрах курганов алтайской земли
воины спят, что здесь битвы вели.
Рядом покоится тот исполин,
что к нам приходит из давних былин.

Свято хранимый, родной Чолушман,
ты нам в наследье великое дан.

МАТЬ С ОТЦОМ

Там, вдали,
где вслед за темной тучей
в небеса вздымается тропа,
прислонясь спиной к скале могучей,
спит село по имени Каспа.
Сквозь ночные звездные просторы
на свиданье с ним моя душа
вдруг летит через кедрач и горы,
сетуя, горя и спеша.
Мой отец давно уже недужен.
Мой отец, не по годам седой,
на войне снарядом был контужен,
покалечен был взрывной волной.
Мать с отцом пекутся друг о друге,
но сегодня, в смутной тишине,
позабыв о тягостном недуге,
снова вспоминают обо мне...
Я же, в дождь рассказывая сыну
сказку — сам давно уже отец, —
сердцем вижу скорбную картину,
ощущаю зовы их сердец.

АЛТАЙ-ШАМБАЛА¹

Елене Ивановне Рерих, Урусвати, Матери Йоги Огня

Нет у меня ничего,
кроме сердца.
Но в нем —
жертвенный символ любви —
Алтай-Шамбала,
в синюю твердь головами
ушедшие горы,
все сотворенное — люди,
земля и природа,
мать, дитя,
подруга и друг,
что судьбой суждены,
судьба, что для чистых
дел суждена...
Считайте теперь:
много иль мало...

¹ Ш а м б а л а — по легендам заповеданное светлое будущее, время Истины и Справедливости, эпоха Владыки Майтрейи и Матери Мира.

АЛТАЙ — ГИМАЛАИ

*Великому сыну России и Индии
Святославу Рериху*

Где Гималаи
Космоса коснулись,
есть Индии жемчужина —
Кашмир.

Здесь древние религии
сомкнулись,
здесь Рерих постигал
глубокий мир
легенд и притч,
лучистых откровений,
святых пророчеств,
огненных идей;
здесь разница
религий и молений
людей не отделяла от людей...
Одно
наивной прелести сказанье
гласило:
Будда, прозванный святым,
душой услышав
свыше предсказанье,
шел по горам
Алтая золотым.
И, утверждало
звездное преданье, —
в единое сведя
И Сердце и Добро,
священное
таинственное знание
к пророку
на Белуху снизошло...
К подножью
несказанного Алтая

разноязычный люд
мольбы понес...
Связала притча,
горы облетая,
Алтай и Гималаи
нитью звезд.
Разумное пространство
бесконечно,
белки хребтов
сквозь облака видны.
Идея Мира
торжествует вечно,
соединив
две горные страны!
Слова «Судур»¹, «Сюмер»² —
азы в алтайской речи —
взлеяны, как чистые слова.
Они мудры,
хоть разум человеческий
в печали
различает их едва.
Но связанные
вечной сутью этой,
потоки мысли
устремляя ввысь,
Алтай и Гималаи
над Планетой,
как памятники
Братства вознеслись.
Алтай и Гималаи...
Горный воздух,
священный вне начала и конца,
огнем,
зажженным на далеких Звездах,
вновь освещает
добрые сердца!

¹ Судур — сутра — книга сокровенного знания (санскрит).

² Сюмер — священная вершина (санскрит). Белуха по-алтайски — Юч-Сюмер, три святые вершины (прим. автора).

ПОД КРОВОМ ИЗ МОЛНИЙ

Если жить — так вот жить:
устремленно, упрямо, на полный!
Ливни вешние пить
жадной горстью, под Кровом из Молний!

Так вот жить: мчаться к солнцу, мечтать,
дураков одурачивать,
сумасшедшие ветры за гривы хватать,
поворачивать!

Ненасытен взор —
все ему подай,
ненасытен дух —
плещет через край!

Воет кровь моя!
Дышит кровь моя!

Так живу, друг, я!
Так сгораю я!

НА ВЕРШИНЕ АК-СЮМЕР

Я, на Белый Сюмер —
На вершину Белухи — поднявшись,
Свое сердце как Колокол
В небе родном укрепил
И на весь белый свет,
И на весь белый свет
В этот Колокол бил,
В этот Колокол бил!

Я на весь белый свет
Закричал, чтоб услышали люди, —
И кричал, и шептал,
И молил, и молил я землян:
— Люди, будем добрее
И лучше хоть капельку станем,
Чище в помыслах наших.
Пускай не гнетет нас обман!

Ради наших детей,
Чистоглазых, ни в чем не повинных,
Ради птиц, и зверей,
И деревьев, и трав, и цветов...
Мать-земля к нам взывает,
И к Совести небо взывает,
Призывает нас к Миру
Содружество Вечных Миров!..

АЛТАЙ — АЗЕРБАЙДЖАН

*Поэту Фикрету Годже,
собрату по Литинституту (г. Баку)*

Ты —
из Стана Огня¹.
Я — Матери-Пламени² сын.
Ты —
с Кавказа алмазного,
я — с Алтайских вершин.
Тюркской речи твоей
незапамятен древний исток.
Хагани, Физули,
ювелиры божественных строк,
создавали ее
из пощелкиванья
соловья.

Золотым молоточком
речь ковалась твоя.

Мой же тюркский язык
в языческом древле возник.

Безымянный кайчи,
грозы и ручья ученик,
на топшуре
на ощупь
слова языка подбирал...

Кедр небесный
мне прадеда речь навевал...
Побратим мой,
Фикрет,
ты наследник поэтов-царей.

¹ Азербайджан — Страна Огней.

² Мать-Пламень — божество огня у алтайцев.

Ты рожден,
чтобы, музыку слов
продолжая,
наследство беречь.

Я — из недр заповедных.
Речи созвучна моей
органность комуса,
топшура щемящая речь.

Ты —
из Стана Огня.
Я — Матери-Пламени сын.
Ты —
с Кавказа алмазного,
я — с Алтайских вершин.
Но Поэзии Пламя
опалило тебя и меня.
Оба мы по рождению
и делу —
дети Огня.

АЛТАЙ — ЗЛАТОГОРЬЕ

Алтай, Алтай, Алтай...
Золото солнца.
Сверкание месяца-ай.
Горы, горы, горы

сквозь могучие тучи
светлы.
Гордый мой край!

Аржаны журчат,
мерцая соцветьями граней:
косули напьются —
по скалам летят,
аржаны журчат —
живая вода легких ланей...

Арчины чисты —
и склон можжевеловый —
в дымчатой сини.
Вдохну терпкий воздух —
очнутся в груди моей силы.

Арчины чисты...
Блеск ледников, —
блеск клинков, —
переливы искристого цвета.

Здесь я рожден,
здесь окружен
половодьем лучистого света.

Душа
возникала цветком на скале,
озарясь
вечным солнечным блеском
или,

как дикие голуби,
расплескалась в ущельях
серебряным плеском?

Мой Алтай,
мой волшебный кристалл,
благодатным подаренный Небом.

АЛТАЙ — ГОЛУБАЯ ТЮРКИЯ¹
Песня о счастье

Имя мое — Звезда,
имя твоё — Цветок.
Очи, как в зной вода,
губы, как лепесток.

Имя твоё — Цветок,
сладостна твоё речь,
чист и глубок исток —
вместе его беречь.

Вместе — преодолеть
все перевалы гор,
вместе грустить и петь,
лишь бы сиял твой взор.

Сталью стремян звеня,
ехать нам конь о конь,
в юрте на склоне дня
вместе разжечь огонь.

Имя мое — Звезда,
имя твоё — Цветок.
Очи, как в зной вода,
губы, как лепесток.

Пой же и расцветай
днем и ночной порой.
Видишь — вокруг Алтай,
лебеди над горой.

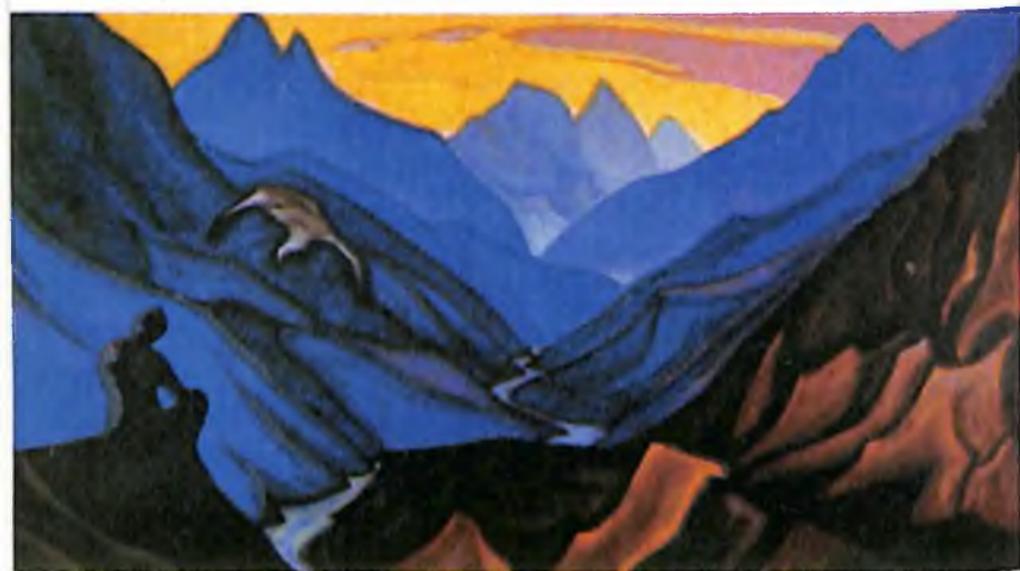
¹ Голубая Тюркия — Алтай — Алтын-Даг и Ала-Даг (Золотые Горы и Прекрасные Горы). Кёк-Тюрки — Божьи Тюрки. Кёк-чанкыр Алтай — Голубой, Небесный Алтай.

Н. К. Рерих. "Ковка меча"

"В пределах Алтая можно слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад".

*Н. К. Рерих
"Сердце Азии"*

Н. К. Рерих. "Приказ Учителя"

Н. К. Рерих. "Ойрот – вестник Белого Бурхана"

Н. К. Рерих. "Ангел Последний"

Н. К. Рерих. "Держательница мира."

"Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, уставленное большими камнями, так называемые чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища".

Н. К. Рерих
"Сердце Азии"

Н. К. Рерих. "Победа"

АЛТАЙСКИЕ ХУДОЖНИКИ

(Григорий Чорос-Гуркин и Николай Чевалков)

«... хочу быть величественным и молчаливым, как улалинские тополя ночью...».

(Из писем Н. Чевалкова)

1

«...Величественным быть и молчаливым...
Ночные тополя — горды, просты...
Не надо славы. Будешь не ленивым —
все о тебе поведают холсты»...
На выставке,
ввысь кочетом взлетая,
как измывался местный демагог:
— Да что в мазне от Горного Алтая?!
Французы. Модернизм. Гоген! Ван Гог!
«Я — модернист? Да сплунуть бы от сглаза!
Найдут же кличку, умники, кроты!
Все — к Гуркину. Мне снова нет заказа.
Ни красок, ни еды — дела просты.
Живем как можем. Ладно, хоть Наташа
меня не осуждает как жена.
Есть алтайчонок, сын, надежда наша,
а, в общем, жизнь, как водится, странна».
Приходит Гуркин горд и не улыбочив,
твердя: «Жена плохая — суший ад, —
а после добавляет, поразмыслив: —
Жена не стерва — это райский сад.
Хорошая жена, заметь... Да что там —
захочешь — пой, захочешь—вверх взлетай!
Ведь настоящий ключ к твоим работам —
не Арль с Таити — голубой Алтай!
Алтай Монблана, кажется, не ниже,
так от добра нам не искать добра.
Размыслим-ка о выставке в Париже.
По-моему, пришла твоя пора...»

2

И каждый был по-своему велик:
Учитель и способный Ученик...
Один был оклеветан без вины,
впоследствии вернули честь и имя.
Другой в чахотке сгинул: средь страны
не прогремел картинами своими.
...Но холст один забыть я не могу,
все думая о критиках угрюмых:
...алтайцы на озерном берегу
стоят в глубоких непостижных думах...
О чем мы, братья, думали дотоль?
Где воздаянье мастерам?!
...Веками
пребудет на картине Алтын-Кель,
народ, что зачарован облаками...
Холсты,
где свет любви и волшебства,
вас отчего-то
нет в музеях крупных...
Наивные прозренья мастерства
вдруг поднялись
до истин неподкупных!
А в купах Улалы гудят ветра,
не вечно эти купы молчаливы...
Забытые Алтаем мастера,
куда же
с нашей родины ушли вы?!

МАХМУД ЭСАМБАЕВ В ТАНЦЕ
«ЗОЛОТОЙ БОГ»

...Нередко

*Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...*

А.С.Пушкин. «Он между нами жил...»

Взлетевшие волны, замрите...
Взъяренные ветры, замрите,
огромные горы, глядите,
укромные звезды, внимлите:
все созданное оживляя,
все сущее обожествляя,
восходит из глуби Вселенной
Бог Солнца,
отец наш нетленный...
Бог Золотой,
воплощение сущности света,
пальцы-лучи
касаются сути предмета,
вновь оживает предмет,
сотворенный при этом,
переполняясь лучистым
мерцающим светом...
Всякая жизнь —
это гимн Божеству Золотому,
гимн поклонения
существованью святому:
солнце восходит с улыбкой —
ликует держава.
Богу подвластная —
солнцу осанна и слава!
Бог Золотой,
восторгом увенчан предвечным,
вновь исчезает,
путем уходя бесконечным,

В ЖАРКОМ ПЛАМЕНИ...

Непонятое сердце мне в мире дано:
не стареет с годами — юнеет оно,

этот мир для меня — все волшебней, мой друг,
и загадок манящих — все больше вокруг!

Не увяну с годами в унылой тиши —
захлебнусь, переполняясь восторгом души,

не в бессильной печали однажды умру —
в жарком пламени страсти сгорю на ветру!

ЧТОБЫ ДЕВУШЕК ВОСПЕТЬ

Щеки девушек, как розы!
Полыхают на морозе!
Полыхают на снегу!
Где теперь найти мне вазы,
чтоб сверкали, как алмазы!
Чтобы в них пылали розы
на морозе, на бегу.
Где найти их? Не могу!
А вокруг снежок искрится,
и цветут девичьи лица,
словно розы в Рождество.
Где перо взять золотое,
чтобы выразить такое
золотое волшебство?
Где такой найдется гений?
Может, Пушкин, может, Гейне?
Эти девичьи лица
будут нам веками сниться,
чтоб бессмертно на страницах
словно розы полыхать.

ОМАР ХАЙЯМ

*Поэту и писателю Равилю Бухараеву
(г. Москва, г. Лондон)*

Ночь весенней луны
купалась во влажных цветах.
На узорчатом войлоке
рядом с листками бумаги
пел Хайям,
веки длинные тесно сомкнув.
Соловей пел в кустах,
забываясь в любовной отваге.

Возвышался,
мерцая
блистающий бронзой, квадрант
за спиною поэта,
силуэтом впечатан
в зелень рассветного неба.

Позабыв о счислении звезд,
пел Хайям
над лепешками хлеба,
над запотевшим кувшином,
свободе нечаянной рад.

Пел Хайям, забывая эпохи тюрьму:
век десятый,
закон предписаний
стал догмой железной.

Обсерватории
века тридцатого
грезались в пенье ему.
Грезился космос Хайяму,
пронизанный музыкой сфер,
лучистой бездной...

Пел Хайям —
превращались напева слова
в лепестки.

Пел Хайям
и следил сквозь ресницы
лепестков переливы...

И летели они
на украшенные
драгоценнейшей вязью листки,
и в полете сливались
с лепестками
облетающей утренней сливы...

ОСЕНЬ АЛТАЙСКАЯ

Здесь у пустынных утесов клекочет орел,
осень прозрачна и светел небес ореол...

Тысячи гор сопрягаются,
тают вдали...

Сотни дымов
в вечном звоне восходят с земли...

Реки шумят ледяные...

Кроваво горят
листья деревьев — осени поздний наряд...

Вот я лежу,
свои руки крестом разбросав,
слушаю гулы земли и движение трав,
с почвой срастаюсь,
сливаюсь с осенней рекой,
близких созвездий, Вселенной
касаюсь рукой...

В свежести рек,
в ощущении близкой зимы,
в час,
когда в горние выси восходят дымы,
чувствуя рядом
земли материнскую грудь,
древних сказаний
пытаюсь постигнуть я суть.

Слышу сквозь тысячелетия
скрежет мечей,
жалобы,
крики в сиянье кровавых лучей...
Прах тысяч жертв
здесь смешался с горячей золой;
горькая скорбь и доныне
слышна под землей...

Синь поднебесья...

Под звон отлетающих стай
слышу предания предков,
о Матерь-Алтай!

СЛИТ С ТЕЛОМ АЛТАЯ

*Общественному деятелю и публицисту
Намыку Кемалю Зейбеку (г. Анкара, Турция)*

Своими венами
соединен я с реками Алтая.
Главная артерия — Катунь —
с грохотом катит
упругие волны
сквозь мое сердце.

Мой позвоночник сращен
с хребтами Алтая.
Родную природу
и весь мой народ
я ощущаю в себе.
Озерами Алтая
вглядываюсь по ночам в мирозданье,
и оно отражается в моих глазах.

С голубых ледников
я ловлю жадным слухом
трепетный шепот Вселенной.

Вместе с алтайцами,
что говорят на древнем языке,
обожествляют Солнце, Огонь и Природу,
поминая ушедших, приветствуя приходящих,
я устремлен
в клубящуюся глубь времен,
сквозь которую, по вере отцов,
после всех испытаний и жертв
вижу царство Света.

Всеми жилами, плотью и костью,
всею кровью, что в венах гудит,
я с народом родным

и родною землей
неразрывно, таинственно слит.
Мы — единое тело
навечно.

ДАЛЬНИЙ МОЙ ПОДНИМЕТСЯ ПОТОМОК

Госпоже Хюрриет Эрсой, главной советнице Президента Турции, Главе Фонда Ходжи-Ахмеда Ясави (г. Анкара)

Эти горы, вздыбленные в небо,
эти дали, что о них разбились,
ветры, что вползают к перевалам,
выгибаясь и теряя силы;

эти, в глубину времен бездонных
из глуби грядущего бездонной,
водопады, рвущиеся яро! —
С первых дней творенья и навеки
мне принадлежат!
Они мои!

Тыщи лет назад на месте этом
тюркский богатырь Кёкин-Эркей
вещего коня по гриве гладил
и смотрел на Землю-Мать с восторгом,
чистых слез любви не утирая.

А теперь за шею обнимаю
я коня на вздыбленной вершине —
родом тюрк, из племени алтайцев —
и не в силах слезы скрыть восторга
пред красой Алтая,
чудом жизни!

Верю,
знаю:
пусть пройдут столетья,
но опять на эту же поляну
дальний мой поднимется потомок,
возвратившись
из межзвездных странствий.

И, обнявши скакуна за шею,
будет вдаль глядеть, не пряча слезы
от восторга пред красотой Алтая,
от восторга перед чудом жизни!..

СЫНУ

*Профессору Тюркеру Ёздогану и госпо-
же Гюлер Кёкнару (г. Вашингтон, США)*

Сын, эту землю тебе я дарю: принимай
в небо горами ушедший священный Алтай!
Встань средь вершин его

новой вершиной крутой,
снежную шапкой сверкая в горящих лучах;

стань в его реках еще одной новой волной,
новым побегом взойди в его вечных лесах!

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай! —

Смело входи в этот мир,

он давно тебя ждет!

Радуйтесь, горы!

Ты, Солнце, ликуя, сияй! —

На человека стал больше алтайский народ!

Должен взять в сердце свое

ты его доброту,
должен в себе ты отныне до смерти беречь
доблесть народа,

его языка чистоту,

предков сокровище —

древнюю тюркскую речь!

Вот твоя Родина!

Вот Святогорье легенд!

Белые ветры звенят по отрогам хребтов!

Видишь, маралы, трубя о величье побед,

Скачут по скалам, вздымая деревья рогов!

Видишь, как мирно по солнечным склонам

крутым

льются стада из долин,

как вода через край;

НЕИСТОВЫЙ МАРАЛ

Мой бег по Алтаю
Как молнии лёт,
Но, не отставая,
Страсть мучит и жжет.

Марал я неистовый,
Рок непреклонный!
Кусты желтолистые
Мну я на склонах.

Пьянея, взлетаю
На голые скалы.
За мной, громяхая,
Бушуют обвалы.

Вскипают ключами
Следы от копыт.
И солнце, качаясь,
Как бубен гудит.

И гулу, звеня,
Вторит, прячась меж сосен,
Отравой меня
Опоившая осень.

Мне не уцелеть.
Рвется сердце на части!
Но мне ль не воспеть
Эту гибельность страсти!

Где ж Три Оленихи¹,
О Небо-отец?!
Железное иго
Их звездный венец.

¹ Три Оленихи — созвездие Ориона.

От их ли огня
Кровь моя забурлила?
Все гонит меня
Сумасшедшая сила.

И нету с ней сладу,
И нету ей меры!
Плевать на засаду —
Пусть ждут браконьеры!

Лечу я по кручам —
Что может быть краше!
Мне самый могучий
Соперник не страшен!

Лечу я — охвачен
Любовным порывом!
Жизнь — вечная скачка
Над бездной обрыва.

Нет счастья без боя,
Жить надо рискуя.
Пусть смерть предо мною —
С пути не сверну я.

Мне выбор не труден,
Скачу опьяненно!
И солнце, как бубен,
Гудит с небосклона

Над ширью лучистой
Радостной вестью!
Марал я неистовый —
Трубная песня!

СНЕЖНАЯ ВЕСНА

Матадором себя называл.
Сыном Солнца себя называл.
Нет удержу мне, повторял,
Все смету как обвал!

Ничего матадорского ныне во мне
не сыскать.
Да какой я Сын Солнца, коль тьма меня
мучит в ночи.

Третий месяц отец,
настоящий отец мой,
обычный алтайский пастух,
Все не может с постели привстать,
Третий месяц, боля,
лежит недвижим почти.

Не могу излечить я его.
Облегчить его мук не могу.
Вот расплата мне за хвастовство —
Я такой не желаю врагу!

Кабы знал, что болтал!
Отчадил фейерверк моих фраз...
Как я жалок и мал,
Как же зол на себя я сейчас!

Как себя ненавижу,
Как себя, презирая, клянусь!
Лучше б — враз! —
Как фугас,
Гнев к себе мое сердце взорвал!

Вот и май на дворе,
А буран все мести не устал.
Все не хочет зима
Допустить в мои горы весну.

Должен был бы постигнуть,
да все отметал на бегу:
Не мои земляки,
Не Алтайские горы в снегу,
Не отец и не мать —
хоть умри и воскресни за них! —
все равно,
все равно
Не они предо мною,
а я перед ними в долгу!..

ДУМАЯ О СВОЕЙ СУДЬБЕ

Говорят: ты не молод, пора б отдохнуть,
Уж виски сединою блестят.

Говорят: ты теперь поспокойнее будь,
Рассудительней будь! — говорят.

Так! Но что же по осени все горячей
Пышут гроздья рябин у крыльца?
Что ж, как прежде, волнуют в людской толчее
То улыбка случайных девичьих очей,
То лукавая нежность лица?

Было свыше дано мне от жизни пьянеть,
Кровь как лава по жилам лилась!
Скакуном мне хотелось по миру лететь,
Знать не зная, что есть коновязь!

Думал я: на меня не отыщешь удил!
Что мне путы и что мне узда!
Нет, я не сумасбродным — наивным я был:
Я хотел, чтоб меня мой народ полюбил,
Чтоб в себе сохранил навсегда.

Песни те, что о нем я пытался пропеть,
О друзьях его и врагах!
Словно солнечный дождь, я хотел прозвенеть,
В голубых просияв небесах!

Но постой! Не того ль и сейчас я хочу,
Не к тому ль и сейчас я стремлюсь?
Только нынче бессмысленно я не скачу
И дождем, просверкавшим навстречу лучу,
На бесплодные камни не льюсь.

Это старость? Да нет, я покуда не стар,
Хоть виски все белей и белей.

Не слабей, а сильнее с годами я стал:
Дальше вижу и слышу острей!

Сам себе взял узду я, сам сплел я камчу,
Сам суровой год от году душу учу,
Чтоб не дрябла она в суете,
Ибо понял: не просто пройти по лучу,
Что поэтa ведет к высоте!

СТРАНА КЕДРА — АЛТАЙ

*Михаилу Лапшину, Защитнику Земли и
земляку, Главе Партии аграриев России*

Вам говорю я,
Вы слышите, братья мои и друзья,
Так обращаться с землею родною
Нам больше нельзя.

Вот он пред вами лежит —
Заповедный мой край,
Издrevле в песнях воспетый
Священный Алтай.

Кедром заросшие
Горы его высоки.
Травы целебны его
И чисты родники.

Дивные птицы
Кружатся в его голубых небесах.
Редкие чудные звери
В его обитают лесах.

Дух Алтая столетья
Берег для нас этот простор!
Что ж все чаще и чаще
Здесь тишь нарушает топор?

Что ж бензопилы
Грызут здесь стволы, грохоча?
Падает кедр,
Человеческим криком крича!

Рушатся ели,
Раскинувши руки в снегу!

Клонятся сосны,
На милость сдаваясь врагу.

Но беспощаден к ним враг —
Все грохочет Пила,
Рубит топор —
Вот еще одна, видишь, гола

Стала гора.
Вдоль по мертвому склону одни,
Свежей смолою сочась,
Возвышаются пни.

Родина милая,
О Белогорье-страна,
Словно бы женщина,
Нами ты осквернена.

Кто ж защитит твою честь,
Кто на помощь придет?
Низко над склоном
Натужно ревет вертолет,

Легких опилок
Взметая желтеющий прах.
Это начальство
Летит на охоту в горах.

ГОРЬКИЕ ДУМЫ

Что ты нахмурился, брат,
Отчего загрустил,
Не оттого ль, что туман
Все дороги укрыл?

Право, не стоит!
Ну пусть он в нагорьях лежит.
Ведь все равно
По-над тучами солнце горит.

Горькие думы...
Но что они? — Только туман.
Ветер проснется
И туч уведет караван,

Солнце проглянет —
И скоро рассеется он,
Снова заблещет
И ясен и чист небосклон,

Снова печали твои
Поразвеются все,
Вновь засияет земля
В своей вечной красе.

Изогнулись неровно стропила —
и с каждым дождем
Все сильнее
сквозь дыры на крыше
сочится вода.

Я виновен пред ним!
Чем вину искуплю я свою?
Нет,
не так бы, как надо,
я день проживаю за днем.

От пустой суеты
так я к ночи порой устаю,
Не в силах поднять головы...
Ты прости меня,
дом.

Рано ль, поздно — а все же
к тебе я вернусь:
привечай!

Поменяю венцы и стропила —
как новый ты будешь стоять!
И огонь разведет в очаге,
и заварит мне чай
Моя бедная мама...
моя постаревшая мать...

ЛИЦА ВСТРЕЧНЫХ ДЕВУШЕК НЕЖНЫ...

Облака меняют что ни миг
Все оттенки солнечного спектра.
На лужайке
 звонкий детский крик.
Гулкий мяч.
 Порыв упругий ветра.
Шум и смех.
 Последний день весны.
Все цветет.
Земля давно прогрета.
Лица встречных девушек нежны.
Впереди уже маячит лето.
Все звончей поет по венам крови!
Кем, за что даровано мне это?
Как мне к миру выразить любовь? —
Нету слов таких и красок нету!

Я и сам не знал, как нужна
Мне была эта тишина,
Эта осень,—

я сам не знал,
До чего я устал
От бессмысленных дрызг и склок,
От никчемности споров-ссор!

Даже странно теперь,
как мог
Так я жить до сих пор!

Ну да хватит стыдить себя —
То, что было,— прошло!

До чего в эти дни сентября
В прикатунских лесах хорошо!

Нет, не весь мною пройден путь! —
Пусть бывшее мы не вернем,
Но колотится сердце в грудь,
Опаляет ее огнем:

Делай дело!
Теперь! Сейчас!
Для него ты пришел на свет!
Коль поэт в суете погряз,
То ему оправданья нет!

Что ссылаться на трудный быт,
Что впустую на жизнь пенять! —
Слишком быстро время летит,
Чтобы даром его терять!

Да и впрямь,
Разве дети мои голодали хоть раз!
Хватит трусость свою
Прикрывать мне заботой о них,

О жене!..

 Что с того,
Что не будет в квартире у нас
Ни хрустальной посуды,
Ни ярких ковров дорогих!

Не затем я рожден,
Чтобы в дом свой тащить барахло.
В этом нет похвальбы!
Хоть и поздно,
 но смог я понять
Чувство то,
 что томило меня,
Чувство то,
 что звало
Возвратиться сюда,
Чтоб над быстрой водой постоять.

Вот единственное из лекарств!
От раскидистых сосен
Смолистый плывет аромат.
Окружает меня тишиной
Золотой листопад,
Тонет взгляд мой
В распахнутой шири
Безбрежных пространств.
Я вернулся к себе.
Я опять обретаю себя.
Я еще пропою как хочу,
Так, как я лишь могу!
В эти ясные-ясные
Светлые дни сентября
Свою душу лечу,
На Катунском живя берегу,
От пустой суеты,
От никчемных соблазнов лечу!.

ВОСХИЩЕНИЕ

Сердце, мне в ребра звенящее,
Все моложе оно что ни год.
Солнце восходит горящее,
Розов и ал небосвод.

Большой не надо мне радости,
Чем видеть его поутру.
Нет, я умру не от старости,
От восхищенья умру!

УТРЕННЯЯ ПТИЦА

Саиду Чакхиеву, собрату по Литинституту (г. Грозный)

Темнота предрассветная страхов полна,
Мир застыл в тишине неживой.
Но постой, видишь, ветка качнулась одна,
Задрожала без ветра листвою.

Это первая птица проснулась. Она,
Утолив свою жажду росой,
Приготовилась петь. Миг — и песня, вольна,
Над чащобой взмывает лесной.

И, услышав ее, пробуждается лес,
И рассвет заливает просторы небес
Животворным потоком огня.

И ликуют, ликуют родные края!
О, когда б хоть единая песня моя
Стала Песней рождения дня!

КАТУНЬ

Владимиру Косенко, Координатору Всероссийского Катунского Экологического движения (г. Москва)

Алтай — хрустальный храм святого света,
Тысячечосая Катунь моя...
Великая Белуха в шапке снега,
Как аксакал, на страже бытия.

Земля отцов, священный, поднебесный,
Орлиный и кедровый милый край,
В моих ушах — твоих потоков песни,
В моей душе — твой голос, мой Алтай.

И воды горных рек звенят как струны,
И кедры гор крепки и высоки,
Но вот... уже ползут к моей Катунь,
Ползут чугуноглавые враги.

Откуда вдруг смертельная беда?
И кто это? Неужто это люди?
Им все равно, что кедрачей не будет.
Что станет здесь отравленной вода!

Без доброты нет ни любви, ни веры,
А без любви земли не сохранить.
Восходят на трибуну браконьеры
И требуют реку загородить.

Катунь вскипает, брызгами взлетая,
Бела, чиста, игрива, высока!
Катунь звенит — святой родник Алтая,
Катунь — России горная река.

И по хребтам разросся Кедростан,
Тайга — молились люди ей и звери —

Великий дар! Его нельзя измерить.
Земной природой он для жизни дан.

Но падают под топорами тьмы
Могучие и солнечные кедры,
И плачут, плачут над Алтаем ветры,
Но мы не слышим. Глухи! Глухи мы!

Нигде запрета нет чугуноглавым,
Пустое сердце может все убить.
Для плана ли, для должности, для славы
Они готовы землю погубить!

Бумажной цепью оплетают душу,
Железной цепью закуют реку,
Они уже давно кедровник рушат
На древнем и священном берегу.

Качает землю карусель событий,
Взлетает стон из вековой тайги...
Сыны Алтая, встаньте, защитите,
Россия-мать, спаси и помоги!

БАЛЛАДА О ТРЕХ МАРАЛУХАХ¹

Живые безмолвные звезды
Заполнили небо ночное
Над горной уснувшей деревней,
Над крышами горных аилов
Огромные белые звезды,
Я вижу, шевелятся, дышат,
Над самой деревней нависли,
Внимательно смотрят на землю,
На горы... И в сердце мое.
О звезды далекого детства
Над горной моею деревней...
Вы всюду по жизни со мною
Пронosite призрачный свет.
...Мне видится утренний берег
Телецкого озера. Сумрак
Отходит рассветным туманом,
Густые кусты обнажая.
И мне начинает казаться,
Как будто в кустах облепихи
Не ягоды зреют, а звезды,
Полночные звезды горят,
Мерцают небесным свеченьем
И прямо глядят в мое сердце
Небесные, белые, близкие
Звезды с глазами людей.
...Я помню: в далеком детстве
Стою на дворе и мерзну.
Но глаз оторвать не могу я
От зимних морозных звезд.
И сердце мое замирает.
Дрожат они, Три Маралухи,
Дрожат, может быть, от мороза,
Дрожат, улетевшие в небо
Отсюда, с Алтайских гор.

¹ Три Маралухи – созвездие Орион (алт.).

Умчались они, спасаясь
От Каралдай-Мергена,
Охотника и злодея,
Убившего все живое
На нашей древней земле.
Но горы, Алтайские горы,
Спасли они трех красавиц,
Трех Маралух прекрасных,
Которые прыгнули в небо
С высоких Алтайских гор.
Охотник Мерген жестокий,
Злодей с волосатым сердцем,
Рожденный тьмой полуночной,
Пустил им вослед Стрелу.
Кровавой Стрелюю¹ этой
Хотел он убить беглянок,
Но небо их защитило,
Летящих Трех Маралух.
Волшебны сказанья детства,
Волнующи и правдивы,
Как прежде, живые, в небе
Сияют Три Маралухи,
И до сих пор, я уверен,
Тень Каралдай-Мергена,
Лихого посланца ада,
Злодея кровавоглазого,
Скрывается на земле.
...Любимые звезды детства...
В горной моей деревне
С крыльца начинается небо,
Лежит на скале луна.
Величественно сверкает,
Мерцая своими коронами,
Вечное, нерушимое
Созвездие Семь Царей².

¹ Кровавая стрела — Сириус (*алт.*).

² Семь Царей — созвездие Большая Медведица (*алт.*).

И рядом со мной — Путь Снега¹,
Белый, слепяще белый,
Как борода аксакала,
Уходит в простор Вселенной
От крыльца моего.

Земные ученые люди
Еще ничего не знают
Про жизнь на других планетах,
Считают, что нет ее.
Что видят они в пространстве
Своими пустыми глазами?
Они ведь не видели ночью
Небо Алтайских гор.
А я после маминых сказок
В далеком и звездном детстве
Касался руками неба
И жил среди дальних миров.
С той давней поры я знаю,
Что где-то в просторах Вселенной
Живут и глядят в мое сердце
Звезды с глазами людей.

¹ Путь Снега — Млечный путь (алт.).

АЛТАЙ-БУЧАЙ

*Профессору, доктору Турану Язгану,
Главе Фонда Исследований Тюркского
Мира (г. Стамбул, Турция)*

Как приеду из города
В горы родные,
Как пройду по мосту
Над Катунью-рекой,
И услышу течения знакомые звуки,
И почувствую вдруг,
Что за горной грядою,
За высокой Белухой,
У ярких снегов
Неподкупные витязи древних сказаний
Обитают
В своей заповедной стране.
Благородные, мудрые,
Вечно живые,
Наблюдают за нами,
Сочувствуют, помнят,
От беды
В роковую минуту спасут.
И однажды, я знаю,
Наступит прозреньё,
Приготовлюсь я в путь,
Соберу арчима¹,
И по узкой тропинке
Над ущельем пройду я
В заповедную горную чудо-страну.
Отыщу я седого Алтай-Буучая,
Прикоснусь я
К мечу его светлому лбом,
И мой мозг
Завладеет великим познаньем,

¹ А р ч и м а к — походная перекидная сума (алт.).

Станет углем пылающим
Сердце мое.
И слова мои,
Ныне простые и скромные,
Станут звучными
И полетят над землей,
Над родимыми кедрами,
Над ущельями скальными,
К недоступным снегам
Алтайских вершин.

ЖЕНЩИНА

Как ребенок, ласкова женщина,
Как ребенок, доверчива женщина,
Как ребенок, восторженна женщина,
Как ребенок, игрива женщина.

И на боль, и на лишения,
И на муку, на унижения
И на смерть, на самосожжение,
Если любит, способна женщина.

Притвориться может сговорчивой,
Притвориться может незнающей,
Притвориться может забывчивой —
От любви своей может женщина.

Ошибешься — простит тебя женщина,
И споткнешься — простит тебя женщина,
И обидишь — простит тебя женщина,
Если любит, простит тебя женщина.

Женщины — это прощение,
Женщины — это прощание,
Женщины — очищение,
Женщины — обещание.

Незагаданной, необещанной
И судьбою мне не завещанной,
Я целую ладони женщине,
На коленях стою пред женщиной.

А она — это утро ясное,
А она — предсказание вещее,
И наполнена светом женщина,
И любовью вся опоясана.

СОЛНЕЦПОКЛОННИК

Внуку Андрюше

На коленях стою.
Над Алтаем восходит светило.
На коленях стою
И молитву свою возношу.
На высоких горах
Родила меня мать и взрастила,
На алтарь перед Солнцем
Я сердце свое возложу.

Дети Солнца, алтайцы,
Рожденные в поднебесье,
В наших душах оставило Солнце
Свои огненный след,
Он — на наших тропинках,
Он — в наших аилах и песнях,
И в глазах наших женщин
Горит и горит этот свет.

Я мальчишкой за старенькой юртой
Молился светилу,
Я стоял на коленях,
Молитвенно руки сложив,
И оно над Алтаем
Божественно восходило,
Я тогда уже знал,
Что под ним буду счастлив и жив.

Наше Солнце — любовь,
И навеки любовь нам завещана,
И теснит она грудь,
И пульсирует болью в виске.
То любовь к нашей горной земле,
К нашей жертвенной женщине,

К смуглоликой алтайке,
Умывшейся в горной реке.

Да, я — Солнцепоклонник,
Мне молитва близка и привычна,
Поклоняюсь я Солнцу,
любови
и тебе, мой Алтай!

На коленях стою
Я — взволнованный древний язычник,
И торжественны горы мои —
Мой Священный Алтарь.

У вершины далекой,
И призывно, и жаростно
Рявкнул куран²,
Переполненный юною жизненной силой.
За горами сокрылось
Вечернее солнце,
Но нагие бока этих мраморных скал
Ярко-алы,
До самых прожилок светлы,
Берегут, сохраняют свеченье заката.
Над ущельем
Земляк мой, мой беркут парит.
Мой гнедой иноходец
Спокойно шагает
По крутой и по узкой высокой тропе,
По скалистой тропе
Моей горной судьбы.

¹ Куран — самец косули (*алт.*).

ОСЕННЯЯ КАТУНЬ

*Катунь, Катунь — свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!*

Николай Рубцов «Шумит Катунь»

Ранним утром,
Когда были темными кедры,
Трепетали березки в рассветной тиши
И осенние алые листья роняли,
И порывистый ветер
Подхватывал их,
Я увидел,
Как будто увидел впервые,
По ущелью
Бегущую к морю Катунь.
Далеко подо мною, под горною кручей,
Я увидел свеченье родимой реки.
Мне казалось,
Что там, под горою, сияет
И слепит меня
Зеркало горной царицы,
Пролежавшее в древнем кургане века.
А Катунь
То светилась доверчиво-синим,
То горела
Тревожно-зеленым огнем.
И в зенит поднялось мое горное солнце,
Но, как прежде,
Неслышна,
Легка и светла,
Уходила, спешила к далекому морю,
Проноса сквозь столетья
Студеные воды,

И чиста,
И Алтаю верна, как горянка,
Моей жизни река, моя песня — Катунь.
Что за тайны
Несешь ты к далекому морю?
Что за тайны
Скрываешь в студеной воде?
В этом месте
Течение становится тихим,
Не гремит, не бурлит, не бушует река
И бесшумно уходит,
Спешит в бесконечность
И уносит с собой вековечные тайны,
Не шепнет ни словечка
В рассветной тиши.
Но я знаю:
От чистой и светлой Катунь
По утрам зажигается горный рассвет,
Но я знаю:
От чистой и светлой Катунь
И чисты, и доверчивы наши сердца.

ЧАБАНЫ

Я скромный сын чабанского народа.
На летних пастбищах,
Где так пахучи травы,
Моя душа становится свободной,
Я обретаю вновь
Величье духа,
Там, где поток беснуется,
Грохочет,
Где чабаны от солнца и от ветра
Коричневы
И так неутомимы...
Где изгородь и куча перегноя,
Избенка там и юрта приютились.
Огромные чабанские овчарки
Меня издалека встречают лаем,
И вот тогда навстречу мне из юрты
Не торопясь мои выходят братья,
Меня, как брата, в юрту приглашают.
И напоят живительным айраном¹,
И угостят пахучим крепким чаем
С талканом², чуть подсоленным, румяным.
И, глядя на очаг знакомой юрты
И глядя на мерцающие угли,
Я буду слушать тихую беседу,
Спокойный говор чабана седого.
И этот разговор меня излечит
От всех недугов, видимых и тайных,
Как будто дух высоких гор родимых
В меня вдохнет неведомую силу.
И мой родной высокогорный воздух
Закружит мне и голову,
И сердце,

¹ Айран (айрак, чегень) — напиток наподобие кефира (алт.).

² Талкан — толокно из жареного ячменя или пшеницы (алт.).

Наполнит душу мне святым покоем,
Которого мне не хватает в жизни.
...Потом из юрты выйдут, провожая,
Мои родные чабаны-алтайцы.
И женщины, и дети встанут рядом.
И скажут, чтоб я маме поклонился...
И я приду, я поклонюсь ей в ноги
И край ее одежды поцелую.

МОЛИТВА ДУХУ АЛТАЯ

*Мустаю Кариму, народному Поэту Баш-
кортостана*

Мы, алтайцы, горам поклонялись
И кедрам
И к ветвям на деревья
Привязывали лоскуты,
Преклоняли колени пред нею,
Богатой и щедрой, —
Перед родиной,
Перед величием ее красоты.
Мои славные предки когда-то
Молились природе —
Молились огню
И ветрам
На высокой скале.
И в душе своей мудрость
Всегда сохраняют народы,
И священный огонь
Озаряет дорогу во мгле.
Мы, алтайцы, молились горам,
Наши горы седые
Защитить нас сумели
От вражьих мечей и оков,
Неприступною крепостью встали
Утесы крутые
И кипучие реки,
Уносящие в бездну врагов.
И заторы на тропах,
И груды камней на стремнинах...
Содрогнулся и встал на дороге
Незванный, чужой.
Сто великих препятствий
Приготовил Алтай мой орлиный,
Не прошел по горам

Чужеземец
С черной душой.

Это наши отцы,
И они неприступны и горды,
Это наши спасители,
Боги, пришедшие к нам,
Молчаливы они —
С великаньими ликами горы,
И народ мой вовек
Благодарен и предан горам.
Я не знаю, не знаю,
Мы жили бы ныне,
Сохранились бы мы
В круговерти суровых веков,
Если б не было с нами
Наших гор — неприступной Твердыни,
И кедровой тайги,
И Катуня крутых берегов.
Все мы помним сегодня,
Что с нами твердыня святая,
И тайга, и потоки
Из чистых снегов с высоты,
Все мы молимся нынче
Великому Духу Алтая,
Чтоб кедровник шумел,
Чтобы реки остались чисты.
Там, на скалах, архары,
Мне хочется слышать их цокот,
Пусть и ирбис¹
Не будет испуган
И загнан людьми...
По утрам в своем сердце
Я слышу волнение и шепот,
Это к Родине слово,
Встревоженный шепот любви.

¹ Ирбис — снежный барс (алт.).

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ¹

Я в юности был летящим
И яростным Сыном Солнца,
И с Сердцем, раненным Молнией,
По миру я проходил.
Я Огненным был Маралом,
Я был переполнен любовью,
Душа дышала и сердце
Горной моей тайгой.
Как Марьин волшебный корень,
Задумчиво рос я в почве,
Как Ветер вершин Алтая,
Взвивался я к облакам.
Минули годы над миром,
Моя голова побелела,
И мне теперь захотелось
Стать Прозрачным дождем,
Весенним и очень добрым,
Который хлеба орошает,
Который наполнен солнцем
Горных моих вершин.
Хочу быть дождем, летящим
В воды моей Катуня,
В воды бурливой Бии,
В кедровые леса.
И пусть дождю улыбнется
Белобородый алтаец
И скажет, что это солнце
Сегодня плачет, смеясь.
Над гордым Алтаем Горным,
Над всем святым его станом,
Над белыми чистыми водами,

¹ В стихотворении обыгрываются названия книг автора: «Сын Солнца», «Сердце, раненное молнией», «Огненный марал», «Марьин корень», «Ветер вершин», «Солнечный дождь», а также темы стихов из сборника «Поклонение Белухе».

Над кедровою тайгой
Качаются, и сверкают,
И парят по-орлиному
Легкие и прозрачные
Солнечные дожди.
От них хлеба тяжелеют,
Становятся ярче травы,
И горный корень бессмертья
Восходит от этих дождей.

ЛЮБОВЬ

*Памяти Валерия Чаптынова, первого
Главы Республики Алтай*

По ночам,
Словно Ангел крылами шурша,
Я лечу, я склоняюсь к вершинам Алтая,
Я вдохну его воздух
И сердцем оттаю,
И опять обретает
Величье душа.
И я вижу: туманов исчезли слои, -
И полночные черные тени пропали,
И как гнездышки ласточек к склонам припали,
Приютились родные селенья мои.
И промытый, пронизанный ливнем и солнцем,
Мой аил примостился у скальной гряды,
И орел распростер свои крылья бессонно.
И чисты и безмолвны и скалы, и льды.
И родятся батырами дети грудные,
И рождаются беркуты в этом краю,
И томленье грядущего, горы родные,
Вы вложили в смятенную душу мою.
Я предвигу людей двадцать первого века,
Я их чувствую, чистых, как горный ручей...
Мой Алтай! Ты — судьба моя, слово и эхо,
Ты невидимый свет моих дней и ночей.
Мне так трудно писать от слепящего света,
Он прозрачно-спокоен, и мягок, и строг,
И слова, и величье грядущих поэтов
Разрушают, врываются в строй моих строк.
Я влюбляюсь, и я так измучен любовью,
Потому что любовь, что в грядущем придет,
Будет выше, прекраснее чувства любого,
И она мое сердце веселое жжет!
Он пророс можжевельником-скалолазом,
Отыскал он дорогу, как горный ручей,

ПОСЛАНЕЦ БУДУЩЕГО — НАЗЫМ ХИКМЕТ

*«...Поднимая за тазом таз,
С головы и до ног обливаю себя Светом.»*

Н. Хикмет. Из стихов последних лет

У Назыма Хикмета брови
Будто над синим морем
Стремительной чайки крыла.
У Назыма Хикмета в глазах,
Бесстрашных и веселых,
Весенняя расплескалась гроза.

Люди,
Чьи сердца никогда не знали свободы,
На годы
Посадили поэта в тюрьму.
Люди,
Чьи руки ничего не умели делать,
Руки его
В кандалы заковали.
Люди,
Чьи глаза никогда не видели света,
Света лишили поэта,
Бросили его во тьму.

Но в той тюрьме,
Где был Хикмет,
Находилась Турция
Самая высокая вершина.
Первою она
Встречала восходящего солнца лучи.
Орлы гнездились
На ее уступах.
Вольные люди
Жили в ее долинах.
Певчие птицы качались на ветках.
Журча, по камням

ЛЮБВИ ВО ИМЯ...

Верь Сердцем мне —
И мы с тобой пойдем,
Исполнены
Любви и постоянства,
Тем звездным,
Тем сверкающим путем,
Чтобы услышать
Музыку пространства.

Верь мне всю жизнь —
И мы с тобой пойдем
Небесными путями
И земными —
Любви во имя,
Радости во имя! —
Родней друг другу
С каждым новым днем.

НА ДРЕВЕ ПОКОЛЕНИЯ ЛИСТОК

Корректорам, нашим верным и терпеливым друзьям.

Я — это я!
Но я — не только я!
Все поколенья — древо!
И на этом
на древе — я листок!
Душа моя
в строках, что — словно угли — скрыты
пеплом.
К ним подойдите.
Сдуйте пепел с них.
И загудит разбуженное пламя,
взметнется ввысь — и из него на миг
мое лицо возникнет перед вами.
Весельем опьяненное лицо,
бесстрашный мой,
мой азиатский облик!
Огонь ревет, свивается в кольцо!
О речь моя!
Речь дедов и отцов! —
Да разве в вас она не сыщет отклик?
Эи, люди!
Перед вами я стою.
На вас моя надежда!
Так я создан.
Алтая сын — о мире я пою.
Пожмите ж руку честную мою —
в ней ваша кровь пульсирует,
как звезды!..

ПИСЬМО БРАТЬЯМ В КАСПУ

*Братьям Борису и Айдару,
сестрам Вале и Фаве, всем родичам.*

Дорогие мои, милые братья,
Как живете вы там, на стоянках?
И в порядке ли кошары и загоны?
И тепла ли — с ноготок —
Избушка ваша?
А зима холодной нынче будет,
Говорят, по всем приметам и прогнозам.
Хватит сена до весны у вас?
Я знаю,
Как непросто достается это сено.

Знаю я: алтайцы не лентяи.
Мне в работе бы сноровку вашу,
Мне бы вашу истовость, характер.

Есть у нас охотники до сплетен:
Свой народ
Смешать готовы с грязью,
Говорят: алтайцы все лентяи.
Много знает этот доброхот...
Он попробовал бы сам
По крутосклонам
Походить за овцами в морозы.
Походил бы с братьями моими
Хоть денек, когда мороз за сорок,
Ветер ледяной,
Как пламя, лижет
Щеки... Хоть денек.
А они — годами на стоянках,
В островерхой юрте ли, в избушке.

Нет, алтайский род не пустоцветом
И не зря он на земле живет.

Перенес великие лишения,
Он созрел теперь и закалился,
Видел то, что видеть
Очень больно,
Сделал все,
Чтоб крепким, сильным быть.
Не лентяи — мастера в работе,
И на празднике мы не тихони,
Знаем, как сплясать,
И спеть умеем, —
Мы гулять умеем от души.

Дорогие мои, милые братья,
Там, в родимых стоянках Каспы,
Пусть пребудет удача с вами.
С вами
Дух наш алтайский всегда.

СВЯЩЕННЫЙ АЛТАЙ
Величальная Родине

1.

В синеве небесных сфер
Ты сияешь, Ак-Сюмер,
Озаряя древний край,
Заповедный Хан-Алтай.

2.

Пусть века народы твои
У подножия Белой Горы
В чистоте и вере святой
Будут жить единой семьей.

3.

Припев:

О Алтай, священный Алтай,
Нам Творцом завещанный край,
Мы тебя, как собственный дом,
Для детей сбережем.

Наследие наш — Державный Алтай,
Любимый народами край.
И пусть в пути сияет звездой
Свет мудрости твой вековой.

1998 г.

МОЕ ПЛЕМЯ ДРЕВНЕЕ...

*Поэту Борису Укачину, желаю здоровья
и Вдохновенья.*

Снега сойдут, я знаю, скоро,
Утонут в зелени кусты,
И я вернусь в родные горы,
Взойду на милые хребты.

На горных травах сладки росы,
Туманны горные пути,
Я задохнусь, глотая слезы
И сдерживая боль в груди.

Взметнутся надо мною ветры
И прогрохочет горный гром.
Стояли б вечно эти кедры,
Не тронутые топором.

Дороги летних пастбищ долги,
Я здесь бродил вослед отцу...
Крадутся осторожно волки —
Схватить заблудшую овцу.

Безмолвны и горды вершины,
До ослепленья высоки!
Безмолвны и несокрушимы,
Скользят в безмолвье ледники.

Видны пастушеские бурки.
Отар бескрайних слышен гам.
Стоят мои родные юрты
У горных рек по берегам.

Светлы вершин крутые гребни,
И не хватает чувств и слов...
Живет здесь племя мудрых, древних
Людей Алтая — пастухов.

1995 г.

ОЖИДАНИЕ ЛЮБВИ

Подмосковье. Вечер.
Ожившею сказкою
Ты, Анжела, передо мной,
с красотою своей кавказскою.
Черно-белые клавиши
звучат отдаленно, одиноко.
Твой голос в душу мне льет
тягучие, знойные песни Востока...
...Тихо движется караван,
оставляя следы на жгучем песке,
Абу аль-Маари¹
в ожидании великой любви, в тоске
По барханам сыпучим,
как по волнам зыбучим,
на верблюде качается.
В скитаниях он поседел,
только путь его не кончается,
Его старым сердцем движет сила,
такая, что нет ей названия,
И колокольцы все не стихают
все о том же устало позванивая...
А на улице ветер
раскачивает фонарь на столбе,
И шумит так тревожно,
что становится не по себе.
За окном глушь, мгла,
все мертво, голо,
Но светла, весела
певунья, резвунья Анжела!
Вся как луч из-за туч,
или ветер — сквозь изморозь — вешний.
Вновь меня обнимает тоска
по любви далекой-далекой,
нездешней.

¹ Абу аль-Маари — великий арабский поэт средневековья (973-1057гг.), герой поэмы Аветика Исаакяна «Абу аль-Маари».

Ты поешь.

А слезы, что сдержать я так силюсь,
Как пружина стальная,
в горле комом скопились.

Ты смеешься,
а перед моими глазами —
старый поэт,

Не нашедший любви,
обошедший весь белый свет...

...Ночь. Прощаюсь.
Выбегаю прочь и бегу по аллее черной
Туда, где огни,
где гудок над товарной платформой.

Пронесется поезда.
Своего дожидаясь.

На скамейку ложусь,
припорошенную мокрым снегом...

Гляжу на зарево
над великим городом.

И снова я думаю.
И снова о том же —
о жизни, о любви.

Девушки проходят мимо —
в жизни проходят мимо.

Годы проходят.
А я все надеюсь.
На что?

Мне любовь нужна.
Любовь, всех других дороже, нежнее,
Незаменимая никем, ничем,
как Дон-Кихоту нужна Дульцинея.

В то, что стану когда-нибудь важным
не очень-то верится,

Да и сам не хочу, не могу,
к будням жизни примериться,

Но о чем-то таком,
недоступном, великом, мощном,

Что не рядом, не под рукой,
я мечтаю денно и ночью,
В век двадцатый,
в «атомный век»,
в грохоте, гуле —
И любовь тоже «атомная» —
навряд ли встретишь другую.
И я, как все, встречаю, заигрываю,
улыбки даря, —
А что мне еще нужно,
собственно говоря?..
Не смотри же
с упреком в глаза мои ты —
Не нашел
я еще воплощение мечты.
— Послушай, где же любовь твоя
единственная, та самая?!
И опять тревога и боль
хватают за горло меня рукой...
Ну скажите же мне на кой
родился я вот такой?!!
И вновь взрывается в сердце
по самой высокой любви тоска.
Не знаю где, не знаю как,
но знаю — надо искать!
Ищу. Не могу не искать —
яростно, одержимо.
А годы проходят,
а люди проходят
мимо, мимо, мимо.

1963 г.

МАЯКОВСКОМУ

Гимн

Старый мир,
как взорванный корабль,
разваливаясь на острые углы,
медленно шел на дно.

И запели над миром,
раскатываясь железными рулонами,
острые, как бритвы,
освобожденные ветры.
И солнечные лучи смеялись
среди нитей паутины.

И те,
кого люди называли поэтами,
выскакивали на улицу в теплых телогрейках
и никак не могли объяснить людям:
что же происходит в мире.

И только Блоку,
склонявшемуся над костром
усталой головой,
снились стеклянные сны
об огромных витражах,
расчерченных символами молний,
об огромных зеркалах,
принимающих сигналы Вселенной.

И тогда среди развалин появился ты,
ты, точно знавший, что все это произойдет,
шел, осторожно раздвигая руками
стальные канаты ветров,
тупым концом американского желтого ботинка
пробуя развалины:
хорошо ли все разломано?..

А там, в глуби земли,
снова складывались в упругие кольца
стальные мышцы диалектики,
чтобы тигром взлететь не однажды опять.

Маяковский,
ты, как йог, простиривший руки
в оба конца времени,
скажи мне:
в каком углу Вселенной,
на какой пустынной планете,
какими кузнецами-богами
в течение веков
лицо твое было выковано
из нержавеющей стали?

Да, великолепно жить, когда знаешь,
что под кулаками челокева
прогибаются искривленные пространства.
Да, великолепно жить, когда знаешь,
что по твоим стихам
время будет проверяться, как часы.
Время будет кроиться по твоим стихам,
как пиджак.

Но тот,
кто долго простоял
у атомного реактора,
тот облучен
и неминуемо должен уйти.

И я знаю,
когда ты медленно поднимал
стотонное дуло
к своему виску,
вдруг перед твоими глазами
поплыли оранжевые планеты,

облетаемые караванами
крылатых, как рыба, ракет.

И нет тебя,
но каждый раз,
когда я подхожу к тому,
что сделано тобою,
мне все чаще вспоминаются
таинственные сооружения на Земле,
авторство которых
люди не в силах себе приписать:
они их приписывают Звездным Пришельцам.

И когда мы выгнем стальные трассы
к другим Планетам
и сквозь
голубую толщ времен
пройдем к будущей Земле,
как к новой планете,
я знаю:
я тебя встречу там —
Вселенского Спортсмена
и весело поздороваюсь с тобой,
как со своим знакомым.

СТРАНА АЛТАЙСТАН

Есть страна Алтайстан, где лучисто звенят
Родники голубые в горах.
Есть страна Алтайстан, где под солнцем горят,
Словно в сказке, цветы на лугах.

Вверх посмотришь, а там темно-синий простор
Шелк небес над землю простер,
А посмотришь вокруг — как сияет среди гор
Тихих пастбищ зеленый ковер!

ЗАРНИЦЫ НАШИХ НОВЫХ СУДЕБ...

Неспешно летней ночью средь хлебов
Я ехал, — и пылающий костер
За темными плечами дальних гор
Увидел: то огромная зарница
Полнеба осветила, чтобы скрыться.

Тотчас угаснув за грядой хребтов,
И снова — сполох над волной хлебов,
И свет, растущий от земли до неба,
Как парус над глубоким миром хлеба...

То огонь души великих хлебодаров
Пылал беззвучным розовым пожаром
Одно мгновенье! — и спешил во тьму,
Задав задачи сердцу и уму.

Как теплый бархат, струи этой ночи.
Вселенная, окутанная тайной,
В дремоте, теплый свет, как знак случайный,
Нам шлет... Иль новую судьбу пророчит?..
И вновь завеса летней ляжет ночи.

Крылья Богочеловеков или Богоптиц
Вот эти вспышки, выплески зарниц?
С каких Светил, таинственных Планет
К нам натекает
Этот дивный Свет?

Какая Высь, невысказанная Даль
Струит свою заветную печаль,
Сигналя Заревом ночной Земле
О Красоте, томящейся во мгле?

Иль это Звезды? Длинных их ресниц
Внезапный взмах?.. И флагами зарниц

Они, мигая, намекают нам
На то, что не вместить земным Сердцам?..

...Вот сорвалась
Отцветшая Звезда
И покатилась,
И летит сюда...
Но нет! — скользнула в бездну Мироздания,
На дно его, какому нет названия...

А здесь — такая Ночь и Тишина!
И, мнится, я один во всей Вселенной...
И, кажется, душа моя больна.
О чем она скорбит: об этой дивной
Таинственной, далекой Красоте?
О падающей на поле Звезде?

Об алых крыльях Дивных Райских Птиц —
Над хлебным Полем в сполохах Зарниц?..
Этой странной ночью...

1987 г.

ФАНТАЗИИ НА ТЕМЫ ТУРЕЦКИХ ПЕСЕН

БОГ, ЛЮБОВЬ И ПОЭТ

Турецкой певице Гюльтен Ураллы

Так печально это горе,
Огромное как море,
Взгорбленное как горы,
Туманное как дали,
Светлое как небеса.
Мы разлучились в веках.
А встретились — не узнала никак.

Ашугом¹ я был в Торосах.
Умчались с тобою в горы,
От бейских шатров — в леса.
И родила сыновей мне,
Прекрасных как молнии,
Дочь-диво — Гюллюшах.
О, сколько песен сложил я
В честь красоты твоей,
И не было равных в мире
Мне в доблести и славе,
И не было красивей.
Потому что любил я
Такой огромной любовью,
Волшебною как море,
Могучею как горы,
Манящею как дали,
Светлою как небеса,
Солнце плескалось в крови.
Неукротимость и нежность —

¹ Ашуг, ашик (тур., азерб.) — В Турции и Азербайджане народный поэт и певец, бард.

Сплетались, мы как молнии —
Вокруг сгорали леса.
В любви сгорали дотла,
Как феникс восставали.
О нас слагали легенды,
О нас сложили песни,
За счастье считалось детям
Дать наши имена.
Огромно мое горе,
Горбящееся как море,
Вздыбленное как горы,
Туманное как дали,
Светлое как небеса.
Мы разлучились в веках.
А встретились — не узнала никак.

Рану излечит Песня,
Небо и вольная Воля.
Поэт извечно свободен.
И Муза — ему жена.
Господу лишь нужен я,
Сын его — песнетворец.
Богу на Земле он служит,
Лишь Песнь — его друг. Аминь.

О, Гюль¹, я верую в тебя,
Как в неизбежность Солнца при восходе,
На заре в Стамбуле на Босфоре
Над бесконечным блистаньем
струящихся волн,
Что называют здесь ласково —
Кара Дениз².
О Гюль, я верую в тебя, в любовь мою,
Длиною в жизнь мою.
Она у ног твоих
ковром страданий пролегла.
Она закончилась
у ног твоих теперь.
И я нашел тебя
как бесконечность Счастья.
Поверь, мой друг, теперь:
Меджнун от любви не уходит —
Он сгорает в ней, воскресая.
Я кровью сердца оплатил —
Твой каждый легкий шаг
Ко мне.
Здесь на Земле.

¹ Гюль — роза (тур.).

² Кара Дениз — Черное море (тур.).

Я нашел тебя
и был оправдан Богом.
Я узнал тебя
и был оправдан Богом.
Я воспел тебя
и был оправдан Богом.
И за это все —
я был оправдан Богом.

Невозможность не любить.
Невозможность любить.

Невозможность расстаться.
Невозможность приблизиться.

Невозможность разлуки
И неизбежность разлуки.

Нет времени. Нет пространств.
Круг мой завершился. Рядом с тобой.

Я завершился — любовью к тебе.
Я вошел в твою жизнь —
Любовью к тебе.
И уйду я, если попросишь —
Только Любовью к тебе.

ПОЭМЫ

БОГИНЯ ГОР

*Моей маме и всем матерям и дочерям
Алтая*

Женщины, живущие в горах,
Женщины в аилах, на стоянках,
Женщины в селеньях, рядом с нами,
Вам готов отдать я
Жизнь и сердце,
Душу беспокойную свою.
Жертвенные женщины Алтая,
Матери,
И бабушки,
И сестры,
Славлю
Ваши маленькие руки,
Потемневшие под горным солнцем,
Эти руки
Вечно держат ношу,
Тяжкую, как горная зима.
И несут ее через ущелья,
Нас,
Своих детей, оберегая,
Возвышая нас
Своей любовью.
Женщины алтайские,
Родные,
Славлю
Ваши ясные глаза,
Жгучие,
Чуть суженные к скулам,
Видеть сквозь года они умеют,
Сквозь снега
И горные метели

Могут разглядеть они дорогу,
Трудную,
Но верную тропу.
Женщины сурового Алтая,
Если вспомнить прошлые века,
Труд и беды нашего народа,
Вы, с душою светлою алтайки,
Сколько вы беспомощных младенцев,
Будущих охотников великих
И бесстрашных
Воинов-героев
Или чабанов неумолимых,
Вырастили на руках своих.
Сколько излечили от недугов
Воинов, израненных в сраженьях
С полчищами
Черных чужестранцев,
Набегавших в горные края.
Сколько вы уставших накормили,
Сколько вы замерзших обогрели,
Сколько вы любили и страдали,
Вынося и муки, и обиды
Даже и от нас, от ваших близких,
От любимых ваших
И родных...

...Это было в год, когда по тропам
Кони революции скакали.
Это было жгучею зимою
В давнем восемнадцатом году.
Пробираясь по снегам глубоким,
На ветру, по скальному ущелью,
Не страшась трескучего мороза,
Не боясь полуночной дороги,
Женщина с двумя детьми брела.
На спине один — он был привязан,

На руках — второй дремал ребенок.
Согревая мерзнущие руки
Частым и прерывистым дыханьем,
Женщина, шатаясь, пробивала
Мерзлыё глубокие снега.
То брела ночной дорогой зимней
Сквозь лихую ветреную стужу
В ту былую пору — молодая —
Бабушка любимая моя.
А отца двоих детей бандиты
Перед тем допрашивали долго,
Мучили его, ножом кололи,
Требовали, чтобы он признался,
Где, в каком заветном, тайном месте
Он запрятал золото в горах.
Золото...
Лишь золотое сердце
Да Алтая солнце золотое
Он имел в своем краю таежном,
В горном и заснеженном краю.
Их стояло четверо на склоне.
С красными повязками на шапках
К нам они пришли, как партизаны, —
Четверо зажиточных и наглых
Жили в русской небольшой деревне,
На соседнем склоне за ущельем.
И за дедом за моим явились,
Матерились, стискивая зубы,
Щелкая затворами винтовок:
— Где ты спрятал золото, гадюка?! —
Он смотрел на сумрачное небо,
Он стоял над снежною могилой,
Сам себе могилу эту вырыл
Под сухое щелканье затвора...
Спину распрямил мой дед спокойно,
Бросил в снег ненужную лопату.
И ударил, грохнул подлый выстрел
Золотоискателей кровавых.

Непростым, нелегким было время,
Разные бывали партизаны,
Прикрывались именем России,
Нашей братской Родины великой.

С той поры
На этом самом месте,
Где мой дед
Бандитами расстрелян,
Каждый год
Пшеница колосится,
Золотом
Сверкая на рассвете,
Золотом,
Которого бандиты
Не смогли найти в горах Алтая.
И волнами
Пробегает ветер
По хлебам.
И светлую печалью,
Кажется, пронизан шелест ветра
И колосьев
Неумолчный шепот.
Мать моя мне место указала,
Где свершилось
Дело роковое,
Показала молча
И спокойно.
Только возле глаз ее
Усталых
Пролегла еще одна морщинка.
Женщины алтайские издревле,
Сызмальства приучены к терпению,
Жаловаться,
Хныкать —
Не умеют.

Впрочем, как и дети. Как мужчины.
Это в нас воспитывают с детства.

...Тридцать третий год.
У нас — коммуна
Убирает хлеб.
На знойном поле
Женщина-алтайка огневая
Быстрыми
И ловкими руками
Всё снопы сверкающие вяжет,
Обгоняя молодых подружек.
То — опять моя родная бабка,
Та же,
Что прошла по снежной ночи,
Что детей своих
Поднять сумела.
Знаю я: ее тогда избрали,
В те года,
Народным депутатом.

...Времена войны. Жестокий голод.
Бабушка моя, моя родная,
Помните ли вы лихое время?
Вас теперь уж нет на белом свете...
Я тогда был мал еще, не помню,
Как стоял я на крыльце высоком,
Дул в лицо мне
Свежий ветер марта,
Горный ветер с ледяным дыханьем.
Я стоял босой
И улыбался.
Вы с моею старшею сестренкой
Уходили за гору,
На пашню,
Чтобы отыскать,

Найти колосья,
Те, что только-только обнажились
Из-под снега, стаявшего за день.
Помню:
Вы подходите, смеетесь,
Радуюсь,
Мне новость говорите,
Что сегодня удалось собрать вам
Зерна хлеба
В небольшой мешочек...

Помню, как вы кобылиц доили,
Помню чаши, полные кумыса,
Я любил скакать на кобылицах,
Стоя
На широком конском крупе.
Бабушка любимая моя,
Помню я,
Как вы мне говорили:
Как бы ни скакал я, ни носился
На коне
По нашим горным тропам,
Должен знать и помнить я,
Что кони —
Это наши верные кормильцы,
Это — дар Великого Алтая,
Дар неповторимый
И бесценный,
Должен знать я,
Что нельзя ударить
Никогда
Коня по голове.

Это — древние законы предков,
Вековая заповедь Алтая, —
Помню, вы тогда мне говорили,
Бабушка любимая моя.

Помню, вы меня весенним утром
За руку за юрту уводили,
Ставили тихонько на колени
И учили
Складывать ладошки
И произносить молитву Солнцу,
Бабушка, учили вы меня.
— Мы, алтайцы, дети звезд и Солнца,
Мы тебя, о Солнце, вечно любим! —
С той поры,
С тех детских слов далеких
Весь мой путь
По горным тропам жизни —
Это та же самая Молитва,
И она —
Длиною в жизнь мою.

Лютовали,
Проходили зимы,
Но как только лето наступало,
Из-за гор верхом скакали гости
И вокруг у очага садились,
Пиалы с айраном поднимали
И пивали жгучую араку...
И пылал очаг,
И пели гости.
Хлопотали вы и улыбались,
Бабушка любимая моя.
Вырос я под вашими руками,
С детства
Ел я творог белоснежный,
Пил я чаши чистого айрана,
Я скакал
На кобылицах пегих,
Так напоминающих окраской
Снежных барсов Горного Алтая,
Ирбисов
С высоких Чуйских гор.

Женщины, живущие в горах,
Женщины в селеньях, на стоянках,
Женщины в аилах, рядом с нами, —
Ангелы алтайского народа,
Божьи птицы наших белых скал.
Мамы наши,
Бабушки родные,
Старшие
И маленькие сестры,
Где б ни приходилось мне бывать,
Всюду
Слышу я родную песню,
Песню горной женщины-алтайки.
Эта песня жизни и любви
Для меня была и колыбельной,
Праздничной бывала
И прощальной,
Эта песня женщины-алтайки
С детских лет
Мою волнует душу,
Быстрая
И легкая, как птица,
Длинная
И древняя,
Как тропы,
Как дороги наших снежных гор.
И звучат на свадьбе эти песни,
Свадьба —
Праздник женщины-алтайки,
И летит под снежные вершины
Песня жизни, радости, любви,
Длинная,
Как горная тропинка,
Звонкая,
Как эхо над ущельем,
Древняя,

Как скальные утесы,
Чистая,
Как горная река.

Жертвенные женщины Алтая,
Матери,
И бабушки,
И сестры,
Славлю ваши добрые сердца.
Каждая из вас
Горячим сердцем
Согревает в стужу дом родимый,
Это только женщина умеет
Сохранить огонь,
Не дать погаснуть
Пламени в домашнем очаге.

Высоко в горах живет алтайка,
Волосы ее совсем седые,
Темное лицо ее в морщинах,
Ветры гор состарили ее.
Много лет назад, я это знаю,
Чабаны в горах слагали песни
И легенды светлые слагали
О ее волшебной красоте.
Годы мчались быстрой чередой,
Муж ее погиб на перевале...
На руках у женщины остались
Семь сыночков, крошек-малышей.

Годы шли.
Она дрова пилила,
Всё — одна, двуручную пилою,
От рассвета и до поздней ночи

Стоговала высохшее сено
 И детей лечила от болезней,
 Согривала их в лихую стужу.
 От волков отару сберегала
 И учила разуму ребят.
 ...Землепашец, воин, и ученый,
 И чабан, и музыкант великий,
 И поэт старуху навещают
 И целуют трудовые руки,
 Руки матери своей целуют
 И седые волосы целуют
 Семь ее алтайцев-сыновей.

На траве тайги
 Лежит роса,
 Чистая,
 Как слезы наших женщин,
 У скалы над пропастью стоит
 Белая пушистая березка,
 Тонкая,
 Как женщина-горянка.
 Между скал,
 В ущелье,
 Есть родник,
 Я смотрю в него и удивляюсь:
 Он — глубокий, как глаза алтайки...
 И на чистой глади родничка
 Вижу я тревожное мерцанье,
 Слабый отблеск
 Внутреннего света
 И налет прозрачной светлой грусти,
 Будто это не родник в ущелье,
 А алтайской женщины глаза...

Помню я, мне как-то довелось
 На пастушьей побывать стоянке

За далекой горною грядой.
Дождь холодный, нудный моросил.
Под ветвями лиственниц могучих
От дождя отара укрывалась,
Овцы и стояли, и лежали.
А поодаль, на краю тайги,
Как сердечко, приютилась юрта...
Шелестел по крыше юрты дождь,
В очаге пылали угли ярко,
Мальчик сел напротив и смотрел,
Как мерцали, вспыхивая, угли,
И, рукой неторопливо глядя
Волосы блестящие его,
Молодая женщина-алтайка,
Вежливо беседуя со мною,
В этот дождь меня поила чаем.
— Это не беда, что нет отца,
Нет отца у моего сыночка.
Мама есть, а это поважнее, —
Говорила медленно она
И светло, и добро улыбалась,
Подавая гостю пиалу.
Я глотками пил пахучий чай,
Я смотрел на женщину-горянку,
И казалось мне ее лицо,
Смуглое, спокойное, живое,
Ликом горной молодой богини,
Украшеньем этих древних гор.

Жизнью наших женщин, чистотой,
Их великой
Жертвенною правдой,
Красотою их неповторимой —
И мое взволнованное сердце
Навсегда,
Навек укреплено.
И пока они живут на свете,
И пока их солнечные души

Источают свет высокогорный,
Никакие беды и ненастья
Не сумеют совладать со мною,
Боль и счастье этих светлых женщин
Это пламя сердца моего.
Где-то далеко, в стране заморской,
Есть на свете женщина-царица.
В злато-серебро она одета,
И прекрасна, говорят, она.
А у нас в горах, на той стоянке,
Где от морозящего дождя
Вся земля разбухла и размокла,
Там, в похожей на сердечко юрте,
Со своим мальчишкой загорелым —
Молодая мать у очага.
Вот она — с глубокими глазами,
Добрая, наполненная светом,
Это — прародительница рода,
Древних гор владычица святая,
Молодая горная богиня
Для меня — царица всех цариц.
Горный наш народ неутомимый
Матерью своей
Силен и вечен,
Матерью своею
Благороден,
Матерью —
И светел, и велик.
Женщины, живущие в горах,
Женщины в аилах, на стоянках,
Женщины в селеньях, рядом с нами,
Вам готов отдать я
Жизнь и сердце,
Душу беспокойную мою.
Жертвенные женщины Алтая,
Матери,
И бабушки,
И сестры,

Жены наши,
Дочери родные,
Вы — любовь,
И вы — начало жизни.
Женщина — начало всех начал.
Если будет женщина в аиле,
Пламя сохранится в очаге.

1980 г.

как вы сено овцам потом раздавали,
как, замерзнув, потом над костром колдовали,
как нехитрый обед на стоянке варили,
как потом вы коня из ведерка поили —
ничего-то вы, руки отца, не забыли!..
Вспоминаю жизнь отца моего:
детство его, сиротство его.
Помогая братьям, родитель мой
петли на зайцев ставил зимой,
а летом, бывало, мой дед Самык,
с преогромной пилой, хоть сам невелик,
во главе своих сыновей-сирот,
что остались без матери в трудный год,
шел, кряхтя, наниматься на пилку дров...
Обходили немало они дворов,
приходили и в тот, на краю села,
где — подросток — мама моя жила.
Мама жила, доли ждала,
о судьбе гадала при белой луне...
Это мама потом рассказала мне.
Но не только пилою и топором
и другим крестьянским инвентарем —
мой отец не худо владел пером,
в сельсовете работал секретарем!
До сих пор бытует в селе рассказ
про один сочиненный отцом приказ.
Вышло так, что парни раз подрались
из-за девушки. Звали ее Кымыс.
И тогда отец, объявив сгоряча
им — от имени граждан села — «строгача»,
предписал им просто, как «дважды два»,
для общественной пользы пилить дрова,
и дровами — хотят они или нет —
обеспечить школу и сельсовет.
Две недели, смеясь, меж своих забот,
приходил драчунов посмотреть народ,
проследить, чтоб выполнили урок,
присмотреть, чтоб никто лениться не мог...
Эти парни были: мой дядя Токшин,

Кажыкчи Телес и Чинат Эркин.

Случай тот им запомнился до седин,
но не обиделся на отца ни один.

Потому что не только была крепка —
справедлива была отцова рука,
хоть, возможно, он в чем-то «превысил

права»...

Вам бы силу такую, мои слова!

А еще,

кроме всякой крестьянской работы
и писанья приказов,

помню отлично я:

были словно бы созданы

руки отца

для охоты,

для красивой, точной и тонкой машины —

ружья!

Двух козлов подряд на одном месте,

четырёх подряд на одном месте,

разом двух — на бегу,

общей пулей,

в одно мгновение,

вместе —

вот как мог мой отец!

Я вообще — не смогу...

(Примечание следует от поэта:

никогда не стрелял он ради игры,

и притом браконьерством не называлось это —

больше было в горах

зверья в те поры...)

Помнят все, кто отца в те годы знал:

на охоте

всегда он удачлив бывал,

гость врасплох никогда его не заставлял —

бабкин черный казан остынуть не успевал...

Дни войны.

Заграница.

Отец мой — у пулемета.

Прикипели к металлу руки отца.
Падают, падает вражеская пехота
и остается лежать,

не поднимая лица.

Было и так:

с пулеметом из окружения
сам пробился отец
и десяток товарищей спас,

вывел

в наше расположение —
и к награде представлен был в тот час.
А наутро — приказ выступать.

И где-то

от него награда отстала в пути...
До сих пор она, наверное, по свету
ищет отца — и не может найти.
Вот мы День Победы встречаем...
Но достаток не сразу придет в колхоз.
Непросохший курут

отец ломает за чаем:

«Лишь бы сын здоровым и сытым рос!..»
Он склонился ко мне — и снова, и снова
гладит по волосам, по щеке...

Ощущаю: пальца большого,
«пальца-мастера»,

недостает на руке!

День прошел — а отцу на луга спешить,
до рассвета он сено будет косить,
и приляжет поспать на опушке лесной
на часок под накошенной им копной,
и заглянет в дом — проведать семью,
и уйдет на работу — в отару свою,
потому что — надо: мама больна,
мы — растем, и всем одежонка нужна,
и совсем недавно была война,
и не только для нас

еще жизнь трудна...

А теперь — обрела достаток семья,
поднялись, встали на ноги сыновья,
и любой подставит свое плечо,

только самый младший — в школе еще.
 Изменилась жизнь, лишь слово одно,
 слово «надо» — как прежде, звучит оно,
 и отец сам себе говорит: «Пора!» —
 и уходит в отару к шести утра.
 Возвращается за полночь.
 В тишине

спит —

и руки

вздрагивают во сне...

Спит отец мой. Что снится отцу?

Как в горах, не жалея сил,
 у верховий речки Ак-Суу
 лес валил и в сани грузил?

Или снится ему, как в глуши лесной,
 там, где встали кедры суровые,
 из-под снега вытаявшие весной
 собирает он

шишки кедровые?

Этот вешний сбор

люди наших долин

называют падалицей — «тушкин».

Или снится, как он, наклонясь с коня,
 рвет с куста огонек малины —
 и, попробовав, вспоминает меня
 и братишку — меньшого сына:

«Эх, еще не дошла малина, видать!

Эх, придется сынам еще подождать!»

Спит отец мой. И видно мне:

руки вздрагивают во сне...

Эти руки, мирно спящие,

эти руки работающие

на земле — чего ни делали!

Только зла — вовек не делали.

В слепоте, в хмельном угаре ли,
 человека — не ударили.

И чужого — не присвоили.

Не ломали — только строили!

Прославляю вас, добрые руки отца,

прославляю вас, честные руки отца,

прославляю вас, чистые руки отца,
славить вас я готов без конца!
Вы — как две плодородные пашни,
ладони отца,
вы — и крепость, и кров наш всегдашний,
ладони отца,
вы надежно прикрыли очаг наш домашний,
ладони отца!

Отдыхайте, усталые, вволю,
о руки отца,
завтра вновь на работу, в кошару и в поле,
о руки отца...

Это слово — во славу
не отца одного,
утверждаю: не дело —
славу петь одному.
Это слово — во славу
поколенья его.
Этой славы по праву
часть — наградой ему!
Это слово — во славу
всем трудягам честным,
вам, работникам честным,
вам, опора страны,
вам — простым и надежным,
вам — таким непростым,
вам — пришедшим с войны,
не пришедшим с войны,
всем, кто пашет и сеет
и отары пасет,
варит сталь на заводах,
создает города,
с кем достигнем
любых заповедных высот,
не сдадим, не отступим
нигде, никогда!

1970 г.

СТАНЬ СВОБОДНЫМ, ЧЕЛОВЕК!

Песнь о погибшем партизанине

Лежу я на родной груди Алтая.
 И бархатная ночь вокруг простерта.
 Она меня качает и лелеет
 И надо мною зажигает звезды,
 Серебряные звезды над Алтаем.
 Они меня, как брата, окружают
 И кружатся, и тянут, словно руки,
 Свои лучи, протяжные, как песни,
 И тонкие, как нити водопада.
 И бархатная ночь вокруг простерта,
 Она сегодня мне, как одеяло,
 И вечно бы она меня хранила,
 Качала бы в певучей колыбели.
 И ничего не надо мне на свете,
 Когда б всегда серебряные звезды,
 Большие звезды Горного Алтая
 Вокруг меня сияли, восходили
 И голову мою кружили вечно,
 И ничего на свете мне не надо.

Но знаю я, что далеко-далеко
 Над жаркими и желтыми песками
 И жаркого и желтого Алжира
 На душном небе медленно восходит
 Луна огромным диском раскаленным.
 Песок зыбучий, спекшийся от зноя,
 Так медленно и долго остывает,
 И остывает человек-цветок,
 Что срезан был тупым ударом пули.
 — Мне было час назад шестнадцать

лет...

И тишина вокруг лежит немая
 Среди нацеленных на мир орудий,
 Среди земли, от долгих войн
 уставшей...

Луна глядит печальными глазами
 На землю. Человека ожидает.
 Все ищет друга-юношу земного.
 Ей, девушке-луне, уже известно,
 Что он когда-то к ней, синеволосой,
 Придет и заключит ее в объятия,
 И вместе, с нею, рядом с нею будет,
 Он, любящий ее и друг желанный,
 Земной и добрый, смелый и
 красивый.

Но вот луна вдруг замерла над
 миром.

Остановилась, как в оцепененье.
 Не может крикнуть, будто онемела.
 Под нею на земле, упавший
 навзничь,

Лежит он, человек, уставясь в небо.
 В его глазах пылают слезы-звезды,
 Холодные, большие звезды юга,
 Покачиваясь медленно танцуют,
 Как водоросли возле дна морского.
 Эй, люди, где вы, люди, отзовитесь?
 Куда ушли вы, где вы этой ночью?

Сегодня вы огни зажжете снова
 В своих огромных городах чудесных.
 Вы будете сегодня, как и прежде,
 Петь и любить, и радостно смеяться.
 Вы празднуете жизнь свою большую.
 Ту жизнь, что вам принадлежит
 сегодня.

СОЛНЦЕПОКЛОННИК

Паслей Самык (Василий Тордоевич Самык) родился в селе Каспа Шебалинского аймака. Окончил областную национальную среднюю школу, в 1964 году — Литературный институт имени А.М.Горького. Член Союза писателей с 1971 года. За пределами Алтая его знают по сборникам «Огненный марал», «Песнь моя — Алтай», «Ветер вершин», «Солнечный дождь», «Поклонение Белухе» на русском языке. Конечно же, переведен на многие языки народов бывшего СССР и дальнего зарубежья. Паслей Самык — разносторонне образованный человек с неординарным мышлением и истолкованием. Не был обласкан ни партийными, ни элитарно-литературными кругами. Высоких должностей не занимал, да и не стремился усиленно работать локтями. При всей своей истинной образованности и интеллигентности! Но все же до должностей главного редактора издательства, заместителя председателя Союза писателей республики дослуживался (а не «добирался»). Ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В настоящее время продолжает изучать философию, историю и геополитику народов мира. Пишет стихи. Думает...

О каждом стихотворении Паслея Самыка можно написать целую статью, исследуя все грани его поэтического мышления, видения мира, чувств, эмоций. Его стихи по форме схожи с изломами хребтов алтайских гор: взлеты вверх белоснежными вершинами к звездам, потом падение на дно грохочущих водопадами ущелий; строки же напоминают зигзаги молний. Потому я думаю, что его поэзия не только земного, но и космического происхождения. Это отражается даже в названиях его поэтических книг: «Сын Солнца», «Сердце, раненное молнией», «Солнечный дождь», «Огненный марал», «Поклонение Белухе». Он сумел дать новую форму алтайской поэтике, ввел верлибр, свободный стих, чувственный, распахнутый масштабным мыслям, идеям. Притом он остается истинным национальным поэтом. Корни его поэзии — народный эпос, восточная философия и передовые идеи европейской культуры. Хотя алтайская поэзия имеет древнейшие корни, близкие персидской, китайской, японской, мы, поэты послевоенных лет, были поклонниками европейской поэзии, прежде всего рус-

ской классической, и ввели в алтайскую поэзию присущие ей формы. Тогда Восток для нас был закрыт. Тем не менее в шестидесятые годы выросла плеяда талантливых, друг на друга непохожих поэтов: Лазарь Кокышев, Аржан Адаров, Эркемен Палкин, Паслей Самык, Борис Укачин, Шатра Шатинов... Все они окончили Московский Литературный институт им. А.М.Горького.

26 декабря 1938 года пришел в мир наш вечно молодой, пламенный поэт. И, листая страницы времени назад, вновь вижу стройного, светлоликого, голубоглазого юношу, ученика областной национальной школы, принесшего в газету первые поэтические пробы. Он и тогда был начитанным, овеянным какой-то романтикой мальчиком. И писал он стихи и на русском языке, хотя отлично владел и писал на своем родном, алтайском. С тех пор прошло сорок с лишним лет! Паслей Самык — автор шестнадцати поэтических сборников, из них пять в переводе на русский язык, изданные в Москве и Барнауле. Он перевел на алтайский язык поэтические произведения Лопе де Вега, Пабло Неруды, Назыма Хикмета, Гарсиа Лорки, Рабиндраната Тагора, Николая Рериха, Бертольда Брехта, Уолта Уитмена, Кайсына Кулиева, Мустая Карима, Саттара Сейтхазина и многих других.

Что можно сказать о друге, соратнике, о выдающемся поэте, с которым в течение сорока лет работали плечом к плечу? Как уместить в этой небольшой статье мои мысли и чувства? Мы, шестидесятники, дети хрущевской оттепели, пришли к сегодняшним дням уже готовые внутренне принять демократические перемены в обществе, но для нас неприемлем дикий рынок, жестокая власть капитала, разъединение великой державы, обнищание и унижение сотен миллионов людей! Но дух демократии (народовластия), дух свободы и братства живет в наших сердцах и, конечно, дух справедливости. Потому-то мой друг Василий Тордоевич Самыков не выпускает перо из рук, он ныне полон сил и энергии. После тьмы и власти сатаны все равно забрезжит благодатный свет, и голоса поэтов вновь зазвонят под высоким небом. И люди будут жить как люди, а не как звери, обреченные на смерть. Душа наша — в пламени острых противоречий: все зло должно выгореть до дна...

Но пока душа жива, значит, жива его поэзия.

*На Красной площади по вечерам
Так ощутима крутизна планеты,*

Пространства кривизна...
Открытый всем ветрам,
Стоишь в лучах космического
света
Близ Мавзолея...

Эпоха... Эпохальное, космическое мышление. На этой-то крутизне не устояли предатели и скатились... Это чувствовал совсем юный поэт тридцать лет назад. Паслей Самык написал блестящие, пророческие стихотворения о большой и малой родине, о дружбе и любви, о космосе, о горах Алтая, связующие нас с великой мечтой и верой в бессмертье души:

На Красной площади по вечерам
Такой нагорной свежестью ты
дышишь
И видишь вдруг
Не очаги,
Не крыши,
А всей Вселенной
Лучезарный храм.

Так писал предельно искренний, лучезарный поэт. Это наша история, это наше виденье. Не географическое, а духовное виденье мира расширяет диапазон самыковской поэзии.

Ты ночью в мое постучался
окно,
И я отворил тебе двери
балкона,
Ты, Каспия ветер, сын грозного
моря,
Друг чаек, ревнитель
стремительных волн,
Входи. Побеседуем
О кораблях,
Их тайных мечтаньях...

Хорошо побеседовать с ветром, со звездами и слиться со всем мирозданием. Паслей Самык умеет сливаться с природой, стать ее частицей, чувствовать себя витязем, ангелом, богом. Многогранное, удивительное дарование. Великим я его не называю. Эту печать ставит только вре-

мя — века, тяжесть которых не все выдерживают. Хотя сегодня этим словом разбрасываются, не представляя его суги. Но зато блестящим поэтом, выдающимся поэтом Алтая я могу его назвать. Лазарь Кокышев говорил: «Лишь бы знал меня мой народ». И народ знал и любил своего поэта. И он стал великим для своего малочисленного народа!

*Серебряный звон в тишине.
над снежными гребнями гор
не мешает луне
с вершиной вести разговор.*

В этих строках Самыка лик Алтая: луна ведет разговор с вершиной гор. Чудесная, умиротворенная картина. И еще, в стихотворении «Вольная птица любви» есть чудные, чарующие душу строки. Вот они:

*Бери мое сердце
Раскрыта ладонь.
Дарю тебе этот
Заветный огонь.
Лишь сердцем увидел
Я лик красоты:
Твои дорогие
Черты.*

Таких светлых, глубинных стихотворений у поэта очень много. Я вначале писал, что о каждом стихотворении поэта можно написать статью, ибо они наполнены через край пророческими мыслями, горячим чувством, видением огромного мира. Паслей Самык — думающая гора, трава, поющая звезда. Он — а значит, его душа, поэзия — слит с самой природой, великим мирозданием!

*В пасти черного ущелья
Гулкий топот аргамака.
В черном приступе веселья
Засмеялся демон мрака...*

Против мрака, злобы и подлости, против жестокости сражается батыр-герой, олицетворяющий свет, правду, справедливость. Вечный бой:

*Мчится витязь с Богом в сердце
по-над пропастью, по краю...*

*Он погибнет в звоне битвы?
Победит он?.. Я не знаю.*

Главные темы его стихотворений — попытка решить глобальные проблемы, стоящие перед современным человеком. Человек и природа, человек и космос, любовь, страдание, взлеты и падения... Огненный марал с золотыми рогами, мчащийся по горам, задевая синие скалы, голубое небо, от прикосновения рогов зажигаются яркие звезды и падают на землю солнечным дождем.

*Нет у меня ничего,
Кроме сердца.
Но в нем —
Жертвенный символ любви —
Алтай — Шамбала...*

И нежные лирические строки в стихотворении «Прика-
тунское»:

*Как сосны тихи по ночам
над притихшей Катунью.
Дай руку мне...
К сердцу прижму моему...
Что ты слышишь
В молчанье июня?*

Да, Матадор, Сын Солнца, Огненный Марал — и вдруг горькое разочарование, признание своего бессилия в вечной борьбе за свет, за правду, за любовь:

*Матадором себя называл.
Сыном Солнца себя называл.
Нету удержу мне, повторял,
Все смету, как обвал.
Ничего матадорского ныне во мне
не сыскать.
Да какой же я сын Солнца,
Коль тьма меня
мучит в ночи!*

Только большой поэт, философ, мыслитель может себя бичевать, признавать свои ошибки, бессилие у постели умирающего отца. Иногда мы признаемся в своей любви к человечеству, Вселенной и забываем самых близких людей... Я знаю, что в мире много блестящих поэтов-проро-

ков. Если вдруг они соберутся в одно место и среди них окажется мой друг — алтайский поэт Паслей Самык, нам не придется за него краснеть. Его светоносная, яркая поэзия покорит самых утонченных поэтов.

*Я мальчишкой за старенькой
юртой
Молился Светилу.
Я стоял на коленях,
Молитвенно руки сложив,
И оно над Алтаем
Божественно восходило,
Я тогда уже знал,
Что под ним буду счастлив
и жив.*

И далее живи под солнцем счастливо, борясь за людей, за свободу, за справедливость против тьмы и жестокости. Я счастлив, что живу рядом с тобой, более сорока лет являюсь твоим другом, соратником. Береги свою светлую душу, не позволяй приближаться силам тьмы — интриганам, доносчикам, клеветникам. Ты создан для добрых дел...

Поздравляя Паслея Самыка с новой книгой, я поздравляю всех читателей, почитателей его недюжинного таланта. *Солнцепоклонник!* — продолжай свой светозарный поэтический путь. В пространстве и во времени!..

Аржан АДАРОВ,
*Председатель Союза писателей
Горного Алтая.*

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Чичинов. «Свет звезд омывает меня».
Предисловие. 3

Из книги «ОГНЕННЫЙ МАРАЛ» (г. Горно-Алтайск, 1978 г.)

<i>Сердце мое.</i> Пер. Ильи Фоянкова	11
<i>Как прекрасен мир!</i> Пер. Ильи Фоянкова	13
<i>Я — человек.</i> Пер. Ильи Фоянкова	14
<i>Истинное счастье.</i> Пер. Ильи Фоянкова	16
<i>Вечная голубизна.</i> Пер. Ильи Фоянкова	17
<i>Сыну Эркину.</i> Пер. Ильи Фоянкова	18
<i>«О, в народе моем...».</i> Пер. Ильи Фоянкова	19
<i>Всадники.</i> Пер. Ильи Фоянкова	20
<i>Разговор с поэтом Леонидом Мартыновым.</i> Пер. Ильи Фоянкова	21
<i>Чего я хочу.</i> Пер. Ильи Фоянкова	23
<i>На Кадринском перевале.</i> Пер. Ильи Фоянкова	25
<i>Рано утром в городе.</i> Пер. Ильи Фоянкова	27
<i>Рано утром в деревне.</i> Пер. Ильи Фоянкова	28
<i>Рано утром на Алтае.</i> Пер. Ильи Фоянкова	29
<i>Смотрю с гор.</i> Пер. Ильи Фоянкова	30
<i>Ветер вершин.</i> Пер. Ильи Фоянкова	33
<i>Песнь батыра.</i> Пер. Ильи Фоянкова	36
<i>Гулливвер.</i> Пер. Ильи Фоянкова	38
<i>Кукушка среди снега.</i> Пер. Ильи Фоянкова	39
<i>Античеловек.</i> Пер. Ильи Фоянкова	41
<i>Матадор.</i> Пер. Александра Ревича	44
<i>Этот ночной ветер.</i> Пер. Ильи Фоянкова	46
<i>Ночь.</i> Пер. Ильи Фоянкова	47
<i>Эх, ты, милая моя... (Шутливое)</i> Пер. Ильи Фоянкова	49
<i>Что было бы, если бы Демон женился на Тамаре</i> <i>(Шутка).</i> Пер. Ильи Фоянкова	51
<i>О тебе.</i> Пер. Ильи Фоянкова	54
<i>Лебедь, летящий вверх по весенней Катунь.</i> Перевод автора	55
<i>Моя политика.</i> Пер. Ильи Фоянкова	56
<i>Двадцатичетырехлетие.</i> Пер. Георгия Кондакова	57

Из книги «ВЕТЕР ВЕРШИН» (Москва, 1987 г.)

<i>Красная площадь.</i> Пер. Татьяны Глушковой	59
<i>Ленинград. Марсово Поле.</i> Пер. Валерия Хатюшина ...	60

<i>Баллада о Бакинском ветре.</i>	
Пер. Татьяны Глушковой	62
<i>Каспа — родное селение.</i> Пер. Татьяны Глушковой	64
<i>Песнеподобная родина.</i> Пер. Татьяны Глушковой	66
<i>Сыны Неба — Кёк-Тюрки.</i> Пер. Равиля Бухараева	68
<i>Степь Кипчакская (Слушая музыку Курмангазы).</i>	
Пер. Равиля Бухараева	70
<i>Родные нагорья.</i> Пер. Равиля Бухараева	72
<i>Алтайская ночь.</i> Пер. Равиля Бухараева	74
<i>Любовь и любимое дело.</i> Пер. Равиля Бухараева	75
<i>Заветное желание.</i> Пер. Равиля Бухараева	76
<i>Вольная птица любви.</i> Пер. Татьяны Глушковой	78
<i>Дети вольных Гор Алтая.</i> Пер. Валерия Хатюшина ...	80
<i>Сыну Эркину заветное слово.</i>	
Пер. Любви Осиповой	81
<i>В глубинах гор.</i> Пер. Равиля Бухараева	82
<i>Кони в горах.</i> Пер. Любви Осиповой	83
<i>Браконьеры на Алтае.</i> Пер. Валерия Хатюшина	85
<i>Жизнь и горы.</i> Пер. Александра Плитченко	86
«Один падет за сто друзей...».	
Пер. Александра Плитченко	86
<i>Снежная нежность.</i> Пер. Любви Осиповой	87
<i>Бог, Великан, Человек.</i> Пер. Равиля Бухараева	88
<i>Песнь о неистовом сердце.</i>	
Пер. Равиля Бухараева	91
<i>Тебе приснятся золотые сны.</i>	
Пер. Валерия Хатюшина	94
<i>Ночные тополя.</i> Пер. Равиля Бухараева	95
<i>Песней любовь вознесу.</i> Пер. Равиля Бухараева	96
<i>Люблю людей.</i> Пер. Равиля Бухараева	98
«Песня твоя молодая...».	
Пер. Александра Плитченко	99
<i>Вокруг меня мир.</i> Пер. Равиля Бухараева	100
<i>Ветер гор.</i> Пер. Валерия Хатюшина	101
<i>Великая Совесть.</i> Пер. Виктора Завадского	102
<i>Свет звезд омывает меня.</i>	
Пер. Равиля Бухараева	104
<i>Яйлю — летние пастбища.</i>	
Пер. Равиля Бухараева	105
<i>В горнице кая.</i> Пер. Александра Плитченко	107
<i>Лунной ночью на весенней Катунь.</i>	
Пер. Любви Осиповой	111
<i>Чолушмания. Лирическая сюита.</i>	
Пер. Любви Осиповой	113
<i>Мать с отцом.</i> Пер. Равиля Бухараева	118

Из книги «ПОКЛОНЕНИЕ БЕЛУХЕ» (г. Барнаул, 1988 г.)

<i>Алтай — Шамбала.</i> Пер. Равиля Бухараева	119
<i>Алтай — Гималаи...</i> Пер. Равиля Бухараева	120
<i>Под Кровом из Молний.</i> Пер. Ильи Фоянкова	122
<i>На вершине Ак-Сюмер.</i> Пер. Геннадия Иванова	123
<i>Алтай — Азербайджан.</i> Пер. Равиля Бухараева	124
<i>Алтай — Златогорье.</i> Пер. Равиля Бухараева	126
<i>Алтай — Голубая Тюркия.</i> Пер. Равиля Бухараева ...	128
<i>Алтайские художники.</i> Пер. Равиля Бухараева	129
<i>Махмуд Эсамбаев в танце «Золотой Бог».</i> Пер. Равиля Бухараева	131
<i>В жарком пламени...</i> Пер. Ильи Фоянкова	133
<i>Чтобы девушек воспеть.</i> Пер. Александра Ибрагимова	134
<i>Омар Хайям.</i> Пер. Равиля Бухараева	135
<i>Монолог Хама и Хапуги. Гимн Криминальному Капитализму.</i> Пер. Виктора Завадского	137
<i>Осень алтайская.</i> Пер. Равиля Бухараева	139
<i>Слит с телом Алтая.</i> Пер. Валерия Хатюшина	141
<i>Дальний мой поднимется потомок...</i> Пер. Геннадия Фролова	143
<i>Сыну.</i> Пер. Геннадия Фролова	145

Из книги «СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ» (Москва, 1989 г.)

<i>Неистовый марал.</i> Пер. Геннадия Фролова	147
<i>Снежная весна.</i> Пер. Геннадия Фролова	149
<i>Думая о своей судьбе.</i> Пер. Геннадия Фролова	152
<i>Страна кедра — Алтай.</i> Пер. Геннадия Фролова	154
<i>Горькие думы.</i> Пер. Геннадия Фролова	156
<i>Я родился в кедровых горах.</i> Пер. Геннадия Фролова	157
<i>Лица встречных девушек нежны.</i> Пер. Геннадия Фролова	159
<i>Осень на Катунь.</i> Пер. Геннадия Фролова	160
<i>Восхищение.</i> Пер. Геннадия Фролова	163
<i>Утренняя птица.</i> Пер. Геннадия Фролова	164
<i>Катунь.</i> Пер. Виктора Потиевского	165
<i>Баллада о Трех Маралухах.</i> Пер. Виктора Потиевского	167
<i>Алтай-Бучай.</i> Пер. Виктора Потиевского	170
<i>Женщина.</i> Пер. Виктора Потиевского	172
<i>Солнцепоклонник.</i> Пер. Виктора Потиевского	173

<i>Иноходец</i> . Пер. Виктора Потиевского	175
<i>Осенняя Катунь</i> . Пер. Виктора Потиевского	177
<i>Чабаны</i> . Пер. Виктора Потиевского	179
<i>Молитва Духу Алтая</i> . Пер. Виктора Потиевского	181
<i>Солнечный дождь</i> . Пер. Виктора Потиевского	183
<i>Любовь</i> . Пер. Виктора Потиевского	185
<i>Я — из Огня</i> . Пер. Геннадия Фролова	187
<i>Посланец Будущего — Назым Хикмет</i> . Пер. Геннадия Фролова	189
<i>Любви во имя...</i> Пер. Геннадия Фролова	192
<i>На древе поколения листок</i> . Пер. Геннадия Фролова	193
<i>Письмо братьям в Каспу</i> . Пер. Геннадия Иванова ...	194

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

<i>Священный Алтай (Величальная Родине)</i> . Пер. Лилии Юсуповой	196
<i>Мое племя древнее...</i> Пер. Виктора Потиевского	197
<i>Ожидание любви</i> . Пер. Владимира Сергеева	198
<i>Маяковскому. Гимн</i>	201
<i>Страна Алтайстан</i> . Пер. Валерия Хатюшина	204
<i>Зарницы наших новых судеб</i> . Пер. Т. Глушкова	205

Из нового цикла «ЗВЕЗДЫ НАД БОСФОРОМ» (1996—2001)

ФАНТАЗИИ НА ТЕМЫ ТУРЕЦКИХ ПЕСЕН

<i>Бог, Любовь и Поэт</i>	207
«О Гюль, я верую в тебя...»	209
«Я нашел тебя...»	210
«Водопад твоей красоты неземной...»	211
«Всевышним были благословенны...»	212
«Невозможность не любить...»	213

ПОЭМЫ

<i>Богиня гор</i> . Пер. Виктора Потиевского	214
<i>Руки отца</i> . Пер. Ильи Фоякова	227
<i>Стань свободным, человек! Песнь о погибшем партизане</i> . Пер. Виктора Потиевского	233
Аржан Адаров. <i>Солнцепоклонник</i> . Послесловие	239

bu
Kadın
bire
Zemane

Zaman ayı
Zamanın
Baza karda
Kahraman 1999

Pa
fay
bin
ya

bu
my
bu

bu
bu
bu
bu

Volun buldun
Sevgin sana Türkiye
Sevginler büyük
Gül

25 yıldır kardeşlik dimlenmeye
çalışan Altay Yazarlar Birliği
Başkanı ve Altay Halli Meclisi
Başkanı'nın...

Yakında yapılacak olan referandumun
seçiminde...

Паслей Самык (Самыков Василий Тордоевич) родился 26 декабря 1938 года в селе Каспа Шебалинского района Республики Алтай. В 1956 году окончил областную национальную среднюю школу в г. Горно-Алтайске. После окончания в 1964 году Московского Литературного института имени А. М. Горького при Союзе Писателей СССР работал в газете, Доме народного творчества, издательстве, Союзе писателей Горного Алтая.

Поэт Паслей Самык издал на алтайском и русском языках в г. Горно-Алтайске, Барнауле, Москве 16 сборников стихов:

- 1. Сын Солнца. Стихи. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1964 г.*
- 2. Сердце, раненное молнией. Стихи. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1967 г.*
- 3. Огненный марал. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1968 г.*
- 4. Марьин корень. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1969 г.*
- 5. Ветер вершин. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1972 г.*
- 6. Солнечный дождь. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1976 г.*
- 7. Утренние птицы. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1976 г.*
- 8. Души волшебные сады. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1982 г.*
- 9. Мать-Огонь. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1984 г.*
- 10. Дети страны Белого Сюмера. Стихи и переводы. Для детей. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1986 г.*
- 11. Горы — Родина моя и любовь. Стихи. На алт. яз. г. Горно-Алтайск, 1989 г.*
- 12. Песнь моя — Алтай. Стихи. На русск. яз. г. Барнаул, 1974 г.*
- 13. Огненный марал. Стихи. На русск. яз. г. Горно-Алтайск, 1978 г.*
- 14. Ветер вершин. Стихи. На русск. яз. Изд-ство «Современник», г. Москва, 1984 г.*
- 15. Поклонение Белухе. На русск. яз. г. Барнаул, 1988 г.*
- 16. Солнечный дождь. Стихи. На русск. яз. Изд-ство «Советский писатель», г. Москва, 1989 г.*